

ПРИРОДА

№ 1, 1993

© В.Р. Дольник

Этологические экскурсии по запретным садам гуманитариев

В.Р. Дольник

Виктор Рафаэлевич Дольник, доктор биологических наук, профессор, главный научный сотрудник Зоологического института РАН. Вице-президент Российского орнитологического общества, почетный член орнитологических обществ США, Германии, Нидерландов. Научные интересы связаны с экологией и поведением животных. В "Природе" опубликовал статью ["Существуют ли биологические механизмы регуляции численности людей?"](#) (1992. №6).

От редакции журнала "Природа": Предлагаемое научное эссе этолога может показаться нашему читателю, привыкшему к строго научному стилю, несколько легковесным. Но пусть читатель не взывает. Ясность мысли и простота языка помогут ему, вслед за автором, разглядеть в каждом из нас, в самых разных группах людей и даже в устройстве государства то, над чем совершенно не задумывался и не пытался отыскать корни. Рассматривая естественно-исторические основы социальной организации, автор знакомит читателя с этологией не самого изученного, но зато самого интересного для нас биологического вида - человека - и находит много общего в поведении и иерархической структуре его филогенетических предков.

ЕЩЕ ДРЕВНИЕ ФИЛОСОФЫ поняли, что по частице мира можно сделать некоторые верные заключения о его недоступной части. Глубокий ум, помещенный в камеру с зеркалом, изучая только себя, способен догадаться о многом. Но неизмеримо проще выйти и посмотреть мир. Слабое место многих наук о человеке - их замкнутость на один объект, один зоологический вид, в то время как в природе обитает не один миллион видов животных, и все они разные. Одни из них (например, человекообразные обезьяны) похожи на нас в силу близкого генетического родства: 95% текста ДНК у человека и шимпанзе совпадают! Пятипроцентное расхождение - результат независимой эволюции в течение 10 млн. лет. Другие - в силу параллельного с нами развития исходно одних и тех же генетических программ, а третьи - конвергентно, т.е. в сходных условиях и для сходных целей у них и у нас выработались очень похожие приспособления, но их генетическая основа разная. Сверчок, привлекая самку, "пиликает на скрипке", образованной ногой и крыльями, дятел - барабанит клювом по дереву, а мы (как и все приматы) - голосом, с помощью легких, гортани и губ.

Этология - наука об инстинктивном (врожденном, имеющем в основе генетические программы) поведении животных. Этологи научились распознавать эти программы и проследить их преобразования в эволюции. Этологи узнают общую генетическую основу внешне не очень сходных форм поведения животных, подобно тому как сравнительные

анатомы находят общее между передней конечностью любого позвоночного животного - плавником рыбы, крылом птицы, рукой человека.

Этологи знают, что для достижения одной и той же цели у животного имеется не одна программа, а целый набор разных вариантов, многие из которых возникли в разное время. Программы поведения создаются естественным отбором так же медленно и постепенно, как генетические программы морфологических признаков, и отмирают столь же медленно. Об этом забывают даже некоторые биологи: нам почему-то кажется, что поведение - это нечто эфемерное. Ставшие ненужными программы могут не исчезать, а храниться в качестве рудиментов и атавизмов, но при случае дают о себе знать. Каждый из нас может вызвать с задворок генетической памяти программу шевеления ушами (она не нужна миллионы лет), только одному для этого придется основательно потрудиться, а у другого уши зашевелиятся по первому требованию.

Программы поведения срабатывают в ответ на особый сигнальный стимул, признаки которого заложены в программу. Задача распознавания в окружающем мире врожденного сигнального стимула для мозга сложна, поэтому инстинктивные программы часто ошибаются, запускаются по сигналам, случайно несущим признаки стимула. Набор программ действий и образов врожденных стимулов образуют систему передаваемых по наследству знаний об окружающем мире и правил поведения в нем. Животное рождается на свет не "tabula rasa", и человек в этом не исключение. Без программ мозг не способен работать. Если нет соответствующей программы - нет и сколько-нибудь сложного и эффективного поведения.

Сила этологов - в знании поведения огромного числа разных видов животных. Человек для этологов - один из видов: многие особенности его поведения, кажущиеся другим уникальными или загадочными, не выглядят такими, если знаешь целый букет сходных и родственных образцов поведения других видов. Причем оказывается, что врожденную мотивацию своего поведения человек, как правило, не чувствует (ему кажется, что он сам так решил, так хочет, так надо), а объясняет обычно путанно и неверно. Со своими объектами этолог не может поговорить об их поведении, поэтому все методы этологии ориентированы на внешние проявления поведения. Приложения этого метода к человеку (меня не интересует, что ты думаешь, меня интересует только, что ты сделал и в ответ на какой стимул) по-своему плодотворно, особенно тем, что удачно дополняет достижения гуманитариев, анализирующих в первую очередь мысли и чувства. В нашей стране с этологией боролись, как могли. Один из результатов - не только полная неосведомленность, но и воинствующее неприятие самого этологического подхода к поведению человека. Эта реакция выработана и у людей, в остальных отношениях непредвзятых, любознательных и доброжелательных.

Взявшись кратко рассказать о том, что же могут поведать этологи о врожденных программах, мотивирующих социальное поведение людей, я прекрасно сознаю эту трудность и призываю читателя-соотечественника попытаться преодолеть в себе навязанное ему в течение всей жизни мнение о недопустимости сравнивать его поведение с поведением жука, рыбы, птицы да и обезьяны. Первая часть этой публикации - вводная к двум следующим.

Агрессивность, доминирование и иерархия - начало всех начал

Ребенок проявляет первые признаки агрессивности задолго до того, как научится говорить. Дети (особенно мальчики) начинают устанавливать между собой иерархические отношения в первые годы жизни; позднее они начинают играть в иерархические игры, а в 7-15 лет

образуют между собой жесткую пирамидальную структуру соподчинения. Если этим процессом не управлять, борьба за власть в группах подростков принимает жестокие формы, зачастую криминальные.

Склонность играть в эти игры, к сожалению, не проходит с возрастом. Более того, некоторые люди играют в них до старости, это становится смыслом их жизни. Причем играют всерьез и включают в игру и нас с вами, и общество, и государство, и весь мир.

АГРЕССИВНОСТЬ

Среди многих нелепых запретов, существовавших в нашей стране, была запрещена и тема агрессивности. Человека - нацело, а животных - наполовину. Почему в стране, официальная идеология которой исповедовала классовую ненависть и беспощадную борьбу, та же идеология весьма неохотно позволяла научно-популярные статьи об агрессивности синиц или мышей - уму непостижимо.

В действительности же достижения этологии в понимании природы агрессивности как раз и нужно знать всем. И дело не только в том, что человек - весьма агрессивное существо, а в том, что агрессивность подчиняется своим законам, весьма своеобразным и а priori непредсказуемым. Не зная их, можно наломать много дров. Эти законы влияют не только на поведение каждого человека, включая политиков и военных, но и на поведение общества и государства. Когда государство попадает во власть инстинктов, созданных естественным отбором для стада наподобие павианьевого, и к тому же обзаводится атомным оружием, это очень опасно. А если таких государств окажется несколько, будущее мира может повиснуть на волоске.

Бытовое понятие и термин не совпадают. В быту под агрессией мы понимаем нападение, причем, как правило, неоправданное, несправедливое. В этологии термин "агрессивность" означает злость, злобу, ненависть, ярость. Он не окрашен никак - ни негативно, ни позитивно. Нейтрален.

Такое определение агрессии дал К. Лоренц в великой книге "Das Zogenannte Bose: zur Naturgeschichte der Aggression" (Wienn, 1963) - "Злоба: естественная история агрессивного поведения", - и его нужно принять не споря. Агрессия часто проявляется в нападении, но нападение без злобы этологи не называют агрессией. Непонимание (или нежелание понять) разницы между узким термином и бытовым значением слова очень помогало сторонникам "единственно верного учения" пугать людей этологией, объявляя ее людоедской наукой, воспевающей и оправдывающей жестокость и захватнические войны (чем этология, конечно, никогда не занималась).

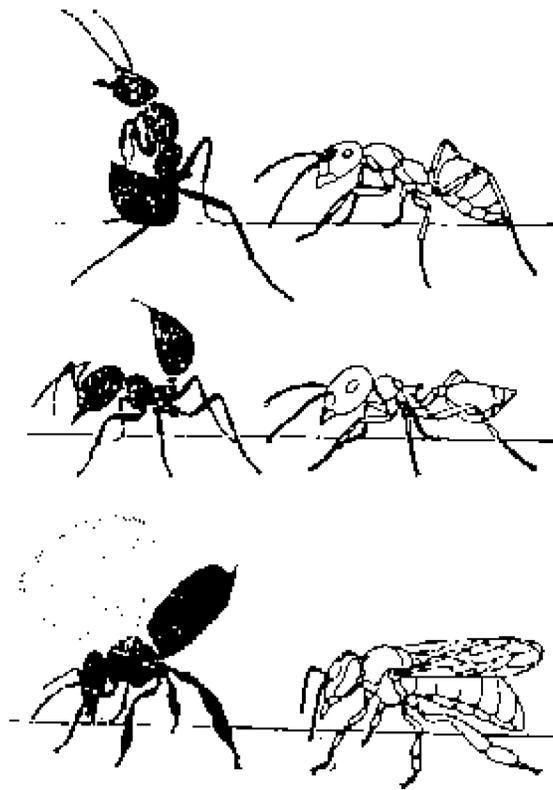
Примитивная агрессия. Самец домашней мыши, обнаружив в своих владениях пришельца, нападает на него и кусает, пока тот не убежит.

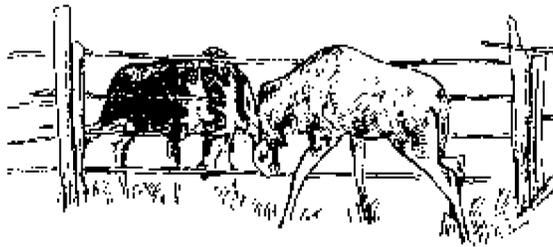
Лесная мышь зачастую изгоняет пришельца без драки, лишь демонстрируя противнику свои агрессивные намерения.

Межвидовая агрессия, В природе одни виды неизбежно нападают на другие. Но не всякое нападение этолог назовет агрессией. Когда волк ловит зайца - это не агрессия, а охота. Точно так же, когда охотник стреляет уток или рыбак ловит рыбу,- это не агрессивное поведение. Ведь все они не испытывают к жертве ни неприязни, ни страха, ни гнева, ни ненависти. Агрессивное же поведение вызывается этими эмоциями. Вот когда собака выгоняет со двора незнакомого человека - это агрессия. И когда он в ответ бросает в нее камни - тоже агрессия, ибо оба они в этот момент ненавидят и боятся друг друга. Когда дрозд прогоняет от гнезда кота - это агрессия со стороны дрозда. И когда огромный самец лебедя шипением отгоняет от своего гнезда мелких водоплавающих птиц - тоже агрессия. Животное ведет себя по отношению к животному другого вида агрессивно потому, что оно его чем-то раздражает - либо угрожает ему самому (а также его территории, гнезду, детенышам), либо просто незнакомо, подозрительно выглядит.

Объект агрессии может быть крупнее субъекта, а может и меньше. У нас вспышку агрессивности может вызвать и загородившая дорогу корова, и вьющаяся вокруг головы муха. Польза межвидовой агрессии вроде бы ясна: дрозду выгоднее атаковать кошку, чем позволить ей съесть птенцов. Ясно и то, что такая агрессия сопровождается страхом: кошка далеко не беззащитна, и атака может кончиться для дрозда плачевно. Нападая на вьющееся вокруг головы насекомое, мы тоже побаиваемся - ведь среди них есть жалящие.

Имеющие химическое оружие общественные насекомые очень наглядно его демонстрируют. Рыжий муравей (вверху), приподнявшись, раскрывает челюсти, а кончик брюшка, из которого может брызнуть кислотой, подгибает. Другой вид муравьев (в середине) закидывает брюшко на спину и выделяет капельку боевого отравляющего вещества. Пчела (внизу) поднимает брюшко, вытягивает жало и жужжит.

Агрессия и страх нераздельны. Два лося, встав по разные стороны изгороди, дерутся яростно и бесстрашно. Как только жерди лопнули, соперники замирают в страхе, а затем перебегают к следующему пролету изгороди и возобновляют "бескомпромиссный" поединок.

Внутривидовая агрессия. Казалось бы, без нее природа могла обойтись. Но это не так. Особи одного вида неизбежно вступают в конфликт. Можно не поделить пищу или удобное для отдыха место. Живущие каждый на своей территории виды должны изгонять конкурентов. Неизбежны конфликты из-за самки, дупла, норы и многих других причин.

Появление или приближение другой особи с неясными намерениями неизбежно вызывает настороженность (а это легкая форма страха). Если намерения не проясняются, зачастую ничего другого не остается, как либо убежать, либо напасть первым. То же происходит и с приближающимся животным. Вступая в конфликт, оба животных испытывают страх. И вместе с ним - приступ агрессивности.

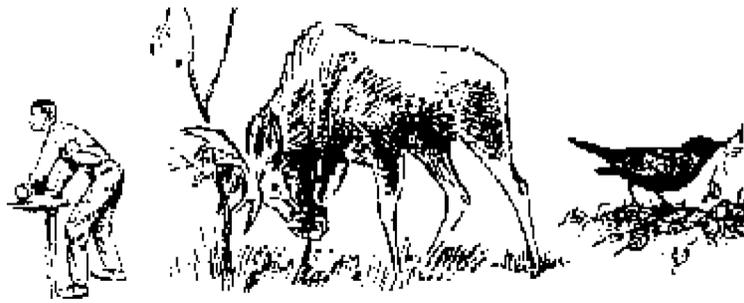
Агрессия и страх - близнецы. Все мы с яростью и бесстрашием хлопаем укусившего нас комара, бесстрашно можем оттолкнуть от себя или прогнать прочь и животное покрупнее, но заведомо безобидное. Однако при встрече с животным незнакомым или способным как-то за себя постоять, не говоря уже о действительно опасном, наша агрессия сопровождается заметным для нас самих приступом страха. Вспомните, как нервно люди отгоняют паука или ловят забежавшую в комнату мышь. Изгнание пчелы или осы сопровождается уже явным приступом страха. Конфликт с маленькой собачкой может довести до сердцебиения. Читатель, видимо, согласится с выводом этологов, что агрессия и страх взаимосвязаны. Агрессия всегда сопровождается приступом страха, а страх может перерасти в агрессию. Самые разнообразные опыты на животных показали, что это так. Если на группу животных нагонят страх, они становятся агрессивнее. То же происходит и с толпой людей или обществом в целом. Агрессивнотрусливое состояние - самое опасное.

Агрессивность возникает изнутри и накапливается. Раньше психологи думали, что агрессия вызывается внешними причинами, и если их убрать, она проявляться не будет. Этологи показали, что это не так. При отсутствии раздражителей агрессивность, потребность совершить агрессивный акт все время возрастает, как бы накапливается. А порог запуска агрессии понижается, и все более мелких поводов оказывается достаточно, чтобы она вырвалась наружу. В конце концов она вырывается без всякого повода.

Это выяснено в уйме интереснейших опытов. Один из них, доступный каждому аквариумисту, описал Лоренц. Возьмите пару семейных рыб - цихлид и поместите к ним в аквариум какой-нибудь источник конфликтов - третью цихлиду или другую задиристую рыбку. Пара цихлид будет с ними драться, а между собой поддерживать самые добрые отношения. Уберите теперь объект агрессии - и через некоторое время самец начнет нападать на самку. Теперь разделите аквариум стеклом пополам и в другую половину поместите другую пару цихлид. Пары будут враждовать между собой через стекло, и в результате внутри каждой пары будет царить мир. Сделайте стекло полупрозрачным - и в обеих парах возникнут конфликты.

Та же накопленная агрессия взрывает изнутри маленькие замкнутые коллективы людей. На зимовку или в экспедицию выезжают несколько дружных, уважающих друг друга человек, твердо знающих, что в таких условиях конфликтовать нельзя. Проходит время, и если нет внешнего объекта для проявления агрессивности, люди в группе начинают ненавидеть друг друга, и долго сдерживаемая агрессия в конце концов находит самый пустяковый повод для большого скандала. Известно много случаев, когда попавшие в такой "эксперимент" близкие друзья доходили до бессмысленного убийства.

В обычной жизни наша агрессивность ежедневно разряжается через массу незначительных конфликтов со многими людьми. Мы можем научиться кое-как управлять своей агрессивностью, но полностью устранить ее не можем, ведь это один из сильнейших инстинктов человека. И важно помнить, что, ограждая агрессивную личность от раздражителей, мы не снижаем ее агрессивность, а только накапливаем. Она все равно прорвется, причем сразу большой порцией. Неутешительно, но зато правда.

Агрессия может переадресовываться замещающему объекту, безопасному и безответному. Так удается разрядить накопившуюся агрессивность.

Агрессия переадресуется. Накопленная агрессивность рано или поздно вырывается наружу, даже если никакого раздражителя для нее нет. Она просто переадресуется какому-нибудь замещающему объекту. Многие птицы клюют землю или листья, копытные бодают кусты. Мы ударяем кулаком по столу, что-нибудь разрываем на части, а некоторые предпочитают бить посуду. Агрессия переадресуется и в том случае, если раздражитель вполне реален, но страшноват. В этом случае переадресованная агрессия служит одновременно и демонстрацией противнику: "Смотри, что я могу с тобой сделать". Очень часто агрессия переадресуется живым объектам как чужого вида, так и своего, лишь бы они не могли дать сдачи. Обруганный седоком извозчик в былые времена тут же огревал кнутом лошадь. Разгневанный хозяин может пнуть свою собаку. Получивший нагоняй на работе муж - обругать, придя домой, жену; рассерженная жена - обругать ребенка; ребенок - ударить котенка. Переадресование агрессии более слабому и ничем не провинившемуся играет важную роль в поддержании иерархии.

ДЕМОНСТРАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Демонстрация вместо нападения. В своей изначальной форме агрессия предполагает нападение на объект, нанесение ему физического ущерба или даже убийство. Наблюдая развитие ребенка, вы могли видеть, что первые проявления агрессии у него жестокие: он бьет руками мать по лицу, пинается, неожиданно кусает. Из-за того, что он маленький и слабый, мы не замечаем грозности его намерений. Позднее ребенок замещает покушение на нас демонстрацией: машет рукой, топает, кричит, а дерется и кусается все реже.

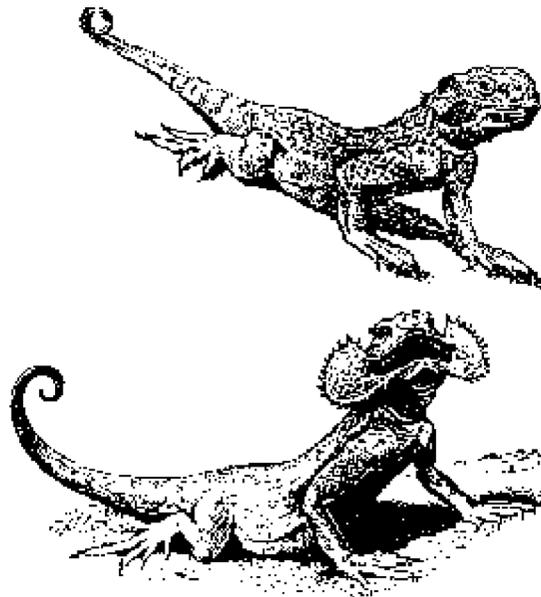
В эволюции животных происходил сходный процесс: агрессивное нападение сменялось демонстрацией угрозы - возможности нападения. Особенно при стычках особей одного и того же вида. Демонстрация, вызывая у противника страх, позволяет выиграть стычку, не прибегая к схватке, очень опасной для обеих сторон. Физическое противостояние заменяется психическим противостоянием. Поэтому развитое агрессивное поведение, включающее в себя много угроз и пугающих действий, полезно для вида. А для хорошо вооруженных видов - просто спасительно. Вот почему Лоренц утверждал, что хорошо оформленное агрессивное поведение - одно из замечательных созданий естественного отбора. Что по существу оно гуманно. Да и всякий согласится, что обругать друг друга, пригрозить кулаком из-за какого-нибудь пустяка во много раз выгоднее для каждого и всех вместе, чем драться, особенно если оба поссорившихся вооружены ножами или пистолетами.

Что и как демонстрируется. Противника проще всего напугать, показав ему те средства защиты и нападения, которыми располагает данный вид животных. У рыб это шипы в

плавниках. Поэтому рыбы, угрожая, раздвигают плавники и поднимают шипы; многие встают в воде вертикально, выставив их навстречу противнику.

У пресмыкающихся, птиц и млекопитающих орудия нападения и защиты чаще всего расположены на челюстях, и они угрожают, раскрывая пасть. Такая форма угрозы удобна при межвидовых конфликтах, поскольку она всем понятна. Человек при угрозе так же, как и обезьяны, скалит зубы. Заметьте, что при общении, особенно с незнакомым человеком, мы внимательно смотрим не только ему в глаза ("зеркало души"), но и в рот. Казалось бы, что нам до зубов постороннего человека. Ан нет. Ровный ряд крупных, белых, блестящих зубов воздействует на наше подсознание. Во рту противника они вызывают уважение, а во рту приятного нам человека - усиливают расположение к нему.

Одна лишь раскрытая пасть не может передать все оттенки угрозы, поэтому у многих видов она сопровождается изменениями внешнего вида головы: расширяются или сужаются глаза, прижимаются уши, наморщивается нос, изгибаются губы, насупливаются брови, движется кожа на лбу и темени. Достигается это с помощью сокращения мышц лица и головы. Если на коже есть к тому же выросты или пучки перьев, шерсти, и все это раскрашено в несколько цветов, получается целый код сигналов о состоянии и намерениях животного, как истинных, так и мнимых.

Ушастая круглоголовка, угрожая, изображает из складок кожи вокруг головы яркую зубастую пасть, ее хвост скручивается и окрашивается, как бы превращаясь в "большой" страшный глаз.

У приматов отличное зрение, поэтому естественный отбор наделил их очень сложной мимикой. Лица многих обезьян сильно оголены, а кожа ярко раскрашена. У человека мимика тоже богатая, но часть лицевых мышц ослаблена, лицо не столь рельефно и не раскрашено. Шевелить ушами и шапкой волос он почти не может. Недостатки мимической информации человек компенсирует речью. Но врожденные программы восприятия мимики у человека работают, и поэтому если вождь раскрашивает лицо, он лучше повелевает подчиненными. Боевая раскраска воинов, восстанавливая обезьянью рельефность лица, делает его грозным и подавляет противника. Той же цели служат гребни из перьев.

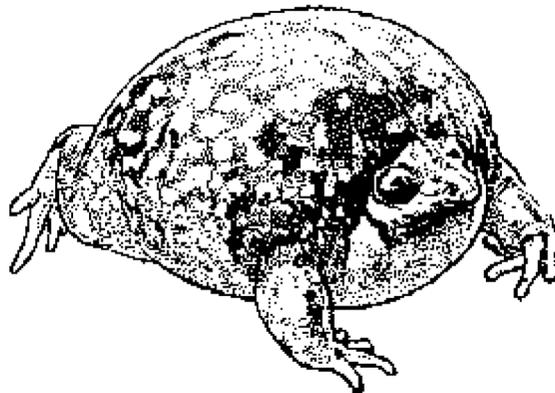
Преувеличение оскала естественный отбор использует очень часто. Обитающая в Средней Азии безобидная ушастая круглоголовка при встрече с противником приподнимает тело над землей, раскрывает пасть и разворачивает складки кожи вокруг нее таким образом, что создается впечатление большой зубастой и ярко окрашенной пасти.

Угроза пастью часто сопровождается звуками - от шипения многих пресмыкающихся до рева млекопитающих. Песня самца птицы, какой бы красивой она нам ни казалась, тоже содержит угрозу другим самцам. Инстинктивно человек, угрожая, издает крик. В бою крик всегда считался важным оружием психологического подавления противника. Гомер в "Иллиаде" (так у автора - V.V.), описывая поединки, обязательно отмечает тех, кто умел одним страшным криком повергнуть врага в смятение. Кричать "ура" в рукопашном бою требовали и современные уставы пехоты. С развитием речи подавление противника поношением стало таким эффективным, что большинство наших агрессивных контактов перебранкой и исчерпываются. Воистину, язык страшнее пистолета.

Позы "преувеличения". Большинство животных растут в течение всей жизни. У таких видов встреча двух взрослых особей, одна из которых много больше другой, - обычное дело. Кто старше, тот крупнее, сильнее и опытнее. Драку с ним маленький противник заведомо проиграет. Поэтому у рыб, земноводных, пресмыкающихся врожденная программа, гласящая "тот, кто больше тебя - сильнее тебя", соответствует действительности. Эта программа предварительной оценки силы противника есть и у млекопитающих и птиц, рост которых заканчивается в определенном возрасте, и поэтому разница в размерах взрослых особей не так велика.

Раз есть такая программа, значит, можно ее обмануть, преувеличив свои размеры. Делает это кто как может. Очень древний способ - надуться, набрав в себя побольше воздуха. Некоторые виды в этом обмане поразительно преуспели. Полюбуйтесь мраморной лягушкой или древесной игуаной. Мы тоже преувеличиваем свои размеры, надувая грудь при встрече с соперником. Иерархический ранг особенно важен военным. Чтобы быть все время поддутыми, они шьют себе специальные кители со слоем ваты на груди. У многих народов уважение вызывали толстые люди, и поэтому вожди и начальники старались отъестся как можно больше. Птицы преувеличивают себя, распушая перья, а млекопитающие - вздыбливая шерсть. У человека эта реакция атавистична, но у некоторых людей при конфликте "шевелются волосы на голове".

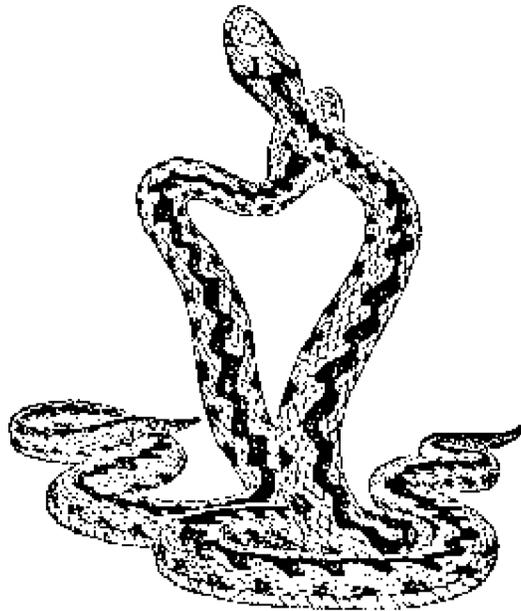
Другой прием преувеличения размеров - выпрямить ноги, подтянуться, высоко поднять голову - всем хорошо знаком на собственном примере. Некоторые четвероногие животные при этом встают на задние ноги. Тот, кто оказался выше, получает психологическое превосходство над соперником. Та же программа сохранилась и у безногих змей: два самца, приподнявшись один перед другим, стараются как можно выше вытянуться вверх, пока один из них не потеряет равновесие и не унизит себя в глазах соперника падением.

Преувеличивая свои размеры, мраморная лягушка при встрече с опасностью заглатывает воздух и на глазах раздувается, как резиновая подушка. Видя это, противник может признать ее превосходство в размерах и силе и спастись.

Преувеличивая себя, жеребцы встают на дыбы, а если дело дойдет до драки, каждый старается уронить соперника.

У сильновооруженных животных - сильная мораль. Конфликтую, два самца ядовитой гадюки тягаются, кто встанет выше, и пытаются уронить ("унизить") друг друга, но не раскрывают пасти. Более того, они так уверены в соблюдении правил поединка, что нередко поворачиваются затылком к пасти противника, не боясь быть укушенным.

Преувеличить себя можно за счет поднимающегося гребня над головой. Этот прием есть у всех - от рыб до птиц. Вожди и воины тоже его применяют, надевая на головы высокие шапки, шлемы, зачастую увенчанные гребнями, шишками, перьями, в сущности, в бою неудобными. И сейчас офицеры прибегают к любым ухищрениям, чтобы сделать себе фуражку с тульей повыше. Программа срабатывает автоматически. Ведь разум прекрасно

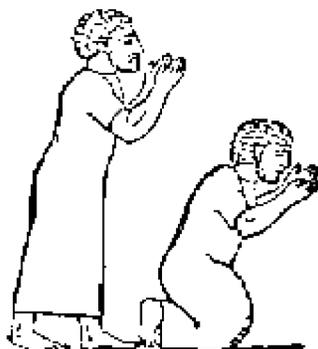
знает, где кончается у человека в военной фуражке макушка, а все равно он кажется выше и значительнее, чем есть на самом деле.

Наконец, преувеличение размеров достигается и занятием более высокой точки в пространстве. Программа так проста, что достаточно заставить соперника смотреть снизу вверх, и он почувствует себя ниже тебя. Когда птицы садятся на дерево, доминанты занимают самые высокие ветви, а за верхушку зачастую борются. Постаменты, троны, трибуны и прочие возвышения - обязательный атрибут власти во все времена. Ни один царь или вождь не придумал в качестве места для своей персоны углубление.

Заставить подчиненных смотреть на тебя снизу вверх - простое и действенное средство дать им почувствовать свое превосходство. "Вознесся выше он главою непокорной александрийского столпа". Каждое слово точно бьет в одну точку подсознания.

Цель - "унизить" противника. При агрессивной стычке животное, оценившее противника как более крупного, признает психологическое поражение, и дальнейшей борьбы может не быть - один уступает другому. Если же дело доходит до борьбы, то у очень многих видов цель ее - унизить противника в самом прямом смысле этого слова: повалить или бросить на землю. Падение может сопровождаться физическим ущербом, но может быть и совершенно безболезненным, как у роняющих друг друга змей. Все равно это - поражение, и проигравший уступает. У человека примерно тот же набор программ (вспомните, что маленькие дети больше борются, чем бьют друг друга), но они ритуализованы слабо. В спорте борьба воспроизводится по всем правилам, а обыденная драка двух мужчин происходит с нарушением врожденных запретов и выглядит по сравнению с поединками некоторых животных и спортивной борьбой безобразно. Это потому, что человек в натуральном виде - слабо вооруженное животное, и мораль у него, соответственно, слабая. Мы должны всегда это ясно понимать: человек напридумывал много страшных орудий убийства и стал необычайно вооружен, оставшись в то же время по своим инстинктам тем, чем были его предки. Беда человека не в его агрессивности, а в слабой моральной оснастке ее.

Позы подчинения, покорности и умиротворения. Что делает проигравший? Прежде всего он "складывает оружие" - шипы, хохлы, когти, зубы, рога - прячет их, чтобы не пугать победителя. Сам преуменьшает свои размеры - с той же целью. Маленький, согбенный, безоружный противник не страшен. Страх покидает победителя, а с ним кончается и агрессивность. Многие животные падают и переворачиваются брюхом вверх - унижают себя как можно сильнее. Человек выражает разную степень покорности, опуская голову, кланяясь, падая на колени и, наконец, валяясь в ногах.

Поза подчинения у человека. На ассирийском рельефе VII в. до н.э. изображены завоеванные мирные жители Палестины (слева). Подчинение умиротворяет агрессора: царь замещает нанесение ударов ритуальным похлопыванием ногой по плечу и рукой с оружием по спине (в середине). Подергать вставшего в позу покорности противника за волосы - одна из программ снятия победителем собственной агрессивности.

Если проигрыш ясен заранее, животное может при встрече с более сильным противником сразу принять позу подчинения. В таком виде оно не страшно, и у противника не возникает агрессии. Если она, конечно, не накопилась в избытке.

РАВНОВЕСИЕ МЕЖДУ ВООРУЖЕНИЕМ И МОРАЛЬЮ

Есть много видов, вооружение которых так сокрушительно, а приемы применения столь молниеносны, что настоящая боевая стычка между соперниками закончилась бы смертью одного из них, а то и обоих. Вспомните хотя бы ядовитых насекомых и змей. Поэтому не удивительно, что естественный отбор вырабатывает у подобных видов запрет применять оружие во внутривидовых стычках. Систему инстинктивных запретов, ограничивающих поведение животных, этологи, вслед за Лоренцем, называют естественной моралью. Она тем сильнее, чем сильнее от природы вооружено животное. При территориальной стычке ядовитые змеи преувеличивают себя, вытягиваясь, кто выше встанет, раскачиваются, толкают друг друга, но никогда не только не кусают, но даже не демонстрируют оружие. Некоторые виды даже угрожают друг другу, отвернув головы. Недаром не только обычные люди, но и многие зоологи принимали турнирные сражения змей за брачные танцы.

Хорошо вооруженные животные могут долго угрожать друг другу, а когда один из них устанет, он резко меняет позу, подставляя противнику для коронного боевого удара самое незащищенное место. Моральный запрет срабатывает у победителя как удар тока: весь его гневный пыл испаряется, он отворачивается от противника и прячет оружие. Так гордый мальчишка, чувствуя, что он проиграет стычку, вдруг закладывает руки за спину, поднимает лицо к победителю и кричит: "На, бей!" В отличие от волка или змеи человек в ответ может и ударить.

Проанализировав много видов, Лоренц более 50 лет назад сделал потрясающий по простоте вывод: у сильного животного бывает сильная мораль, у слабого - слабая. Человек по своей естественной истории - очень слабо вооруженное животное, даже укусить (в отличие от обезьян) и то толком не может. Поэтому у человека изначально слабы инстинктивные запреты, слаба естественная мораль. Безоружный мужчина не может в стычке нанести существенного ущерба другому: один устанет бить, а другой всегда может убежать. Врожденные запреты у человека соответствуют этому. Но впоследствии он начал создавать и совершенствовать оружие и стал самым вооруженным видом на Земле. Мораль же почти не изменилась. Потому что оружие мы совершенствуем с помощью разума, который способен прогрессировать стремительно, а врожденные запреты совершенствует естественный отбор, работающий неизмеримо медленнее. Беда человека не в его высокой агрессивности, а в его недостаточной изначально моральности.

Здесь все варианты покорности добровольного подчинения. Так эламиты приветствуют своего будущего царька, назначенного могущественным царем Ассирии. Позу назначаемого (левая фигура) этологи называют мозаичной: подданным он показывает свое превосходство, а ассирийскому военному вельможе - подчинение.

Истоки "общечеловеческой морали". Помимо запрета "не убий", многие животные подчиняются запретам "не бить лежащего", т.е. соперника, принявшего позу покорности, не трогать детенышей, не покушаться на чужую территорию, чужое гнездо, чужую самку, не нападать неожиданно или сзади, не отнимать пищу, не воровать ее и т.п. Это образует и так называемую "общечеловеческую мораль" (в действительности - общебиологическую). Конечно, у разных видов эти запреты могут быть как сильными, так и очень слабыми. Человек не рождается ""tabula rasa", на которой общество пишет свои моральные нормы. Он рождается с моралью, доставшейся ему от дочеловеческих предков. К сожалению, не очень крепкой, но все же моралью. Религия и культура только развивают в нас то, что есть изначально.

Человек при агрессивных контактах может нарушать моральные запреты. Египетский офицер бьет пленного хетта, невзирая на позу подчинения.

Обходные пути. Если бы какой-то вид имел очень сильную мораль и неукоснительно соблюдал все заповеди, он был бы плохо приспособлен к среде, которая отнюдь не так идеальна, чтобы выполнялись моральные запреты. Поэтому животные имеют обходные пути: есть условия, когда запрет можно и нарушить (инстинкт как бы говорит: "нельзя, но если очень надо, то можно"). Так что наряду с запретами животное знает и как украсть чужое, и как отнять, и как бить слабого, и даже как убить.

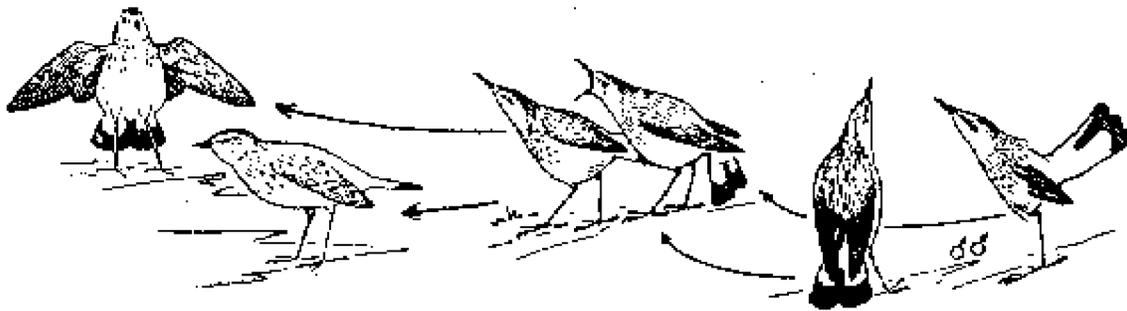
Самый общий из таких обходных путей - разделение всех на "своих" и "чужих". В отношении первых запреты действуют очень сильно, а в отношении чужих - слабее или даже вообще

снимаются. Животное обычно хорошо знает "своих" - это могут быть родители, братья и сестры, партнеры по стае, обитатели общей территории и т.п.

У человека программа "научись узнавать своих" начинает действовать очень рано. Уже в возрасте нескольких месяцев ребенок начинает "своим" улыбаться, а на чужих хмурит брови, делает рукой движение "прочь!", кричит. И позднее этот поиск продолжается. Разделите детей на несколько дней на две группы по любому признаку - и тотчас начинают считать компаньонов по группе "своими", а другую группу - чужой. И тут же по отношению к чужим начнут проявлять агрессивность и нарушать моральные запреты. К сожалению, мы поддаемся воздействию этой программы всю жизнь, выделяя "своих" - одноклассников, соседей, сослуживцев, земляков, единоверцев - и так без конца. На этой программе нас ловят демагоги, натравливая на людей иного облика, класса, культуры, национальности, религии, взглядов. В наши дни всякий мой соотечественник может ежедневно видеть по телевизору, как правы были этологи, всегда утверждавшие, что разделение людей на "наших" и "ненаших" - преступно, ибо оно снимает в человеке инстинктивные запреты не наносить ущерба ближнему, а освобожденный от них человек не просто жесток, он изощренно жесток. Этологический смысл призыва Христа к всеобщей любви (в первую очередь не "своих") в том, чтобы лишить врожденную программу материала для поиска чужих.

ИЕРАРХИЯ

Турнирная таблица. В группе животных, например в стае голубей, после того, как отношения между ними выяснились в стычках, быстро устанавливаются отношения доминирования - подчинения и число и яростность стычек снижается. Сначала голуби проводят нечто вроде спортивного первенства, снова и снова пробуя выиграть стычки у каждого противника. Преобладание побед над поражениями они ощущают как свое превосходство над другим голубем, а обратное соотношение - как превосходство противника над собой. Положение голубей в таблице не остается постоянным, ведь спонтанно возникающая в каждой агрессии побуждает его время от времени кого-нибудь клюнуть или отразить чужой клевок. Обычно объективная разница в силе между наиболее агрессивными голубями незначительна, но субъективно для них она очень важна. Точно так же разницу в силе игры между Каспаровым и Карповым специалисты по шахматам оценивают как минимальную, но психологический отрыв шахматиста, который занял первое место в турнире, от отставшего на очко - огромный.

В территориальном конфликте самцов каменки-плясуны выигрывает тот, кому принадлежит участок потому что агрессор знает свою неправоту, а хозяин не заторможен моральным запретом. Померившиеся ростом, самцы встают параллельно друг другу, трясут хвостами и кричат. Наконец, агрессор принимает позу преуменьшения себя и умиротворения, а хозяин - позу превосходства и торжества победы.

Доминантность - это "настырность". Победа в стычках достается необязательно тому, кто

сильнее. Она достается тому, кто активно агрессивен: любит навязывать конфликт, много и умело угрожает, а сам сравнительно легко выдерживает чужие угрозы и быстро оправляется после поражения. В школе такого парня считают настырным. Ему уступают отчасти потому, что "не охота связываться". Мы должны ясно понимать эту особенность доминирования.

Образование иерархической пирамиды. Обратимся к голубям. Если в группе их мало, между ними установится ряд соподчинения. Побеждающий всех голубь будет доминантом, ниже расположится субдоминант и так далее, до самого низшего ранга. Время от времени доминант клюнет субдоминанта (из-за спонтанной вспышки агрессии), тот переадресует агрессию стоящему ниже на иерархической лестнице, и агрессия дойдет до голубя, которому клевать некого, и он переадресует ее земле. По цепочке как бы пробежал сигнал. Он ничего не сообщил, просто подтвердил иерархию. Но по этой же цепи можно послать и команду. Например, если взлетит доминант, то за ним и остальные. А можно посылать и очень сложные команды, как это происходит у людей.

Теперь возьмем группу побольше. Наверху ее опять доминант, но субдоминантом уже может оказаться не один, а два или три. Каждый из них пасует перед доминантом и не боится остальных голубей, кроме двух субдоминантов, над которыми не удастся добиться ощутимого перевеса. Под субдоминантами может быть еще большее число голубей. Так образуется иерархическая пирамида. Ее нижний слой составляют голуби, пасующие перед всеми. Это "подонки". Их, конечно, очень жалко, но затюканная жизнь сделала их малоприятными. В них накоплена большая нереализованная агрессивность, скрываемая заискивающим поведением перед вышестоящими голубями.

Группа предоставленных самим себе людей собирается в подобную иерархическую пирамиду. Это закон природы, и противостоять ему нельзя. Можно лишь заменить самосборку на зоологическом уровне построением, основанным на разумных правилах.

Кто на вершине пирамиды! Этологов очень интересовало, что за личности образуют вершину пирамиды. Оказалось, что, помимо агрессивности, способности легко выдерживать чужой прессинг и быстро оправляться от поражения, все остальные качества могут быть у доминанта любыми. Он может быть и сильным физически, и слабым; и злопамятным, и отходчивым; и сообразительным, и туповатым; и заботиться о возглавляемой им группе, и быть к ней равнодушным. Способность же выдерживать прессинг не всегда врожденная, зачастую она связана с удачными обстоятельствами.

Этологи любят изучать иерархию на молодых петухах, которые очень агрессивны и устанавливают иерархию очень быстро. В одной работе самого жалкого из забытых петушков из каждой группы ловили, приклеивали ему на голову огромный красный гребень из поролона - символ высокого иерархического ранга - и пускали обратно в загон. Петушок не знает, что у него на голове, и поначалу ведет себя по-прежнему забито. Но подбегающие клюнуть его петушки, видя огромный гребень, пасуют. Раз за разом обнаруживая их неуверенность, петушок надувается, поднимает голову, выпячивает грудь и шаг за шагом восходит на вершину иерархической лестницы без чьего-либо сопротивления. Пройдет несколько дней, снимут с него гребень, и он скатится на дно пирамиды.

В сходных опытах естественным доминантам заклеивали пластырем их прекрасные гребни, и, невзирая на все свои качества, они оказывались на дне. Петухи, "назначенные" экспериментаторами в доминанты со дна, оказываются более жестоки, чем естественные доминанты, так как они трусливее и поэтому больше терроризируют подчиненных. Изменяя у доминантного петуха размер гребня, можно дозированно менять полноту его власти. Оказалось, что чем больше экспериментаторы дают ему власти, тем агрессивнее он себя ведет и тем больше тиранит подчиненных. Если же гребень не дает власти и петух вынужден отражать атаки субдоминантов, обстановка в группе самая спокойная. Некогда было сказано: "власть портит человека; абсолютная власть портит его абсолютно". Подбирая гребни по

размеру, подобно числу звезд на погонах, этологи могут за неделю построить модель армейской структуры (или церковной иерархии) и смоделировать ее эволюцию при тех или иных заданных построениях и качествах назначаемых "офицеров". Много чего такого знают и умеют этологи в изучении власти, что сделало запрещение этологии в тоталитарных обществах любого типа неизбежным. Нацисты и коммунисты не потому преследовали этологию, что этологи человеконенавистники, а потому, что они безжалостно анатомировали механизм возникновения тоталитаризма.

Неужели, "кто палку взял, тот и капрал"? К сожалению, это так. Верить в то, что тот, кто сам захотел власти над нами, делает это для нашей пользы, или утверждать, что нам безразлично, кто придет к власти,- недопустимая роскошь.

Иерархическое построение людских группировок неизбежно, ибо никаких иных врожденных программ в этой области у нас нет, и мы с этим ничего поделать не можем (вспомните: "нет программы - нет сколько-нибудь эффективного поведения"). Всякий раз, когда мы хотим создать порядок в группе, начиная с двух человек . (например, пилотов или космонавтов), мы одного назначаем старшим, т. е. всегда берем за основу принцип соподчинения.

Стихийно получивший руководящее положение человек, если он не только доминантен, но еще и умен, талантлив, порядочен, добр и заботлив, обеспечит всей группе очень большой успех. Причем у людей вклад такого доминанта может быть (в отличие от животных) неограниченно мощным. Вспомните выдающихся лидеров-ученых, конструкторов, тренеров. Ближайшие предки человека и он сам эволюционировали под сильным контролем групповой формы естественного отбора, когда соревнуются и побеждают не столько особи, сколько группы (эта форма отбора создала за десятки миллионов лет у некоторых насекомых социальные структуры, по совершенству неизмеримо превосходящие человеческие).

Но беда в том, что доминантом может стать и человек очень опасный для общества, аморальный и даже психически больной. Довольно часто бывает, что небольшой ростом и слабый парень в детстве проигрывал стычки (потому что у детей сила важна, они ей меряются). В результате в нем накопился страшный заряд нереализованной агрессивности и желания как-нибудь оказаться наверху. Став взрослым, он начинает борьбу за свой ранг "взрослыми" способами, действуя интригами, травлей и т. п. Если ему удастся захватить власть, он распоряжается ей безобразно. Люди давно заметили, что многие тираны ростом невелики, а в детстве их много били.

Для такого типажа в русском литературном языке нет подходящего слова. Но оно есть в уголовном жаргоне: "пахан", поэтому, следуя традиции Лоренца, "засорившего" этологию многими словечками из живого немецкого языка жаргонов, воспользуемся этим словом как термином (что не грех в стране, где одни сажают, другие сидят, а третьи творят "беспредел" на свободе). Уже тысячелетия назад человечество понимало эту опасность. Разум в борьбе с инстинктом противопоставлял ему одну идею - равенства всех людей в группе. Ее воплощали по-разному. Во многих группах выделившихся людей толпа подвергала остракизму или просто убивала. В других местах предлагали вообще запретить всякое соподчинение, и в результате получали анархию, при которой к власти неизбежно прорывался "пахан". Единственно приемлемым оказывается путь, на котором неизбежность иерархического соподчинения людей (как того требует биологическая сущность человека) принимается, но взамен стихийных иерархов ведущее положение получают люди, выбранные или назначенные группой с учетом не только высокой настырности, но и достаточного количества положительных качеств.

Некоторые этнографы прошлого века представляли себе первобытное общество как общество равных. Но теперь мы знаем, что это не так. Оно могло быть построено и было построено по иерархическому принципу, и жизнь в нем была разной в зависимости от того, какими оказывались иерархи - мудрыми, сильными вождями, свирепыми громилами или

бесноватыми колдунами. Раз человек вышел на путь разума и гуманизма, значит, первые в конечном счете перевесили остальных, обеспечив успех генам своих групп. Но и агрессивность человека только возрастала, потому что в этом качестве мудрые вожди никак не имели права уступать соперникам. Действительно, этнографы давно заметили, что отсталые народы менее агрессивны, чем обогнавшие их. Во всей истории человека передовые были самыми агрессивными. И еще раз: не высокая агрессивность беда человечества, а слабая мораль.

Дно пирамиды. Увы, на дне самособирающейся пирамиды животные во многом деградируют. "Подонки" - совсем не нечто прямопротивоположное по своим качествам доминантам, а очень малопривлекательные существа, страдающие от трусости, зависти, нерешительности и подавляемой агрессивности, которую они могут переадресовывать только неодушевленным предметам.

Человеку, попавшему на дно, тоже очень трудно сохранить себя, не деградировать. Миф о "чистых и неразвращенных низах общества" - опасный миф. Люди, нуждаясь в разрядке, тоже переадресуют агрессию неодушевленным предметам, совершая акты "бессмысленного вандализма".

Подмечая, сколько в разных странах разбитых витрин, сломанных лифтов, оборванных телефонов, разломанных вагонов, опрокинутых урн, исцарапанных стен, разбитых памятников и статуй, опоганенных кладбищ и храмов, я моментально составляю себе представление о том, велико ли в обществе "дно" и сносно ли оказавшиеся на нем люди себя чувствуют. Ведь для этолога акты вандализма - то же, что клевки петуха в землю - переадресованная агрессия. Демагоги прекрасно знают, как легко направить агрессивность дна на бунт, разрушительный и кровавый. Много труднее помочь таким людям вновь почувствовать себя полноценными существами. Давно известно, что самое эффективное лекарство - ощущение личной свободы и удовлетворения инстинктивных потребностей иметь свой кусочек земли, свой дом, свою семью.

ПРОСТЕЙШИЕ СПОНТАННЫЕ ИЕРАРХИИ

Изучение поведения человека и ближайших к нему видов не оставляет сомнения в том, что ему свойственно образовывать мужские (самцовые) иерархии. Они образуются не только в результате сознательной деятельности, но и самопроизвольно, спонтанно, подобно тому, как образуются кристаллы льда или соли.

Подростковые иерархии. Они возникают везде и всюду, где есть несколько подростков, как бы с этим ни воевали воспитатели. Подростковые иерархии очень жестки: попробуй не выполнить приказ или не подчиниться лидеру. Сначала в недрах иерархии мальчишки в игровой форме тренируют свои программы; позднее связи становятся столь жесткими, что их не очень-то и разорвешь. Еще позднее одни иерархические структуры превращаются в банды, а другие находят себе более цивилизованное применение. В плохих детских домах и школах "воспитатели" тайно поощряют неофициальную иерархию подростков, вступая в связь с лидерами групп и управляя воспитанниками с их помощью. Макаренко воспел эту нехитрую и трусливую методу.

Неофициальная иерархия в армии. Нормальная армия - это сознательно построенная по иерархическому принципу система. Но поскольку ее наполнение - молодежь, постольку в ней неизбежно возникают "неуставные" иерархии. В здоровой армии их удается удерживать на сравнительно мягком уровне. Но в разложившейся армии они становятся очень жестокими, причем бессмысленно жестокими. Иерархов опьяняет неограниченная власть и возможность употреблять, ее в самой безобразной форме, цель которой - топтать и унижать тех, кто оказался на дне пирамиды. Как и в плохих детских домах, в разлагающейся армии младшие командиры вступают в связь с лидерами группировок.

Неофициальная иерархия в тюрьмах. Она возникает так же, как и в детском саду или армии, но в иерархические игры, ничем себя не ограничивая и не сдерживая, играют взрослые мужчины, к тому же уголовники. В этой обстановке лидерами становятся "паханы" - люди с уголовными наклонностями и жадной неограниченной власти, которая нужна им для самоудовлетворения, а не для процветания группы. "Пахан" обычно окружен "шестерками" - по доминантной силе слабыми людьми с психологией дна, но выделенными и приближенными "паханом" в качестве исполнителей его воли, наушников и подпевал. "Шестерки" есть и во всех других случаях, но в иерархиях, образовавшихся из полноценных подростков, им обычно не дают воли.

Иерархия банд, разбойников, пиратов, мафии и т. п. Все эти группы испокон веков образовывались как иерархическая структура, стиль поведения которой - от жестокой до благородной - зависел от личных качеств лидера.

Слабо выраженные бытовые иерархии. В сущности, модель мужской иерархии и сегодня воспроизводится не только в стихийно образующихся группах подростков и шайках бандитов, но и в рационально построенных структурах армии, церковной иерархии, монашеских орденах и т. п. В учреждениях субординация задана неким законным образом. Но этим структура группы не исчерпывается. Параллельно там есть еще две неявных и неофициальных структуры. Одну из них образуют люди умные, знающие, прямые, открытые и порядочные. У них есть свой естественный лидер, но как правило, нет четкой системы, выраженного соподчинения, много внутренней свободы. К ним приходят, когда нужно решить сложную задачу, принять нетривиальное решение, совершить смелый поступок. И есть другая структура, во главе с "паханом", окруженным "шестерками", состоящая из всякого рода проныр, завистников, активных бездельников, скандалистов, склочников, сплетников, интриганов. Эти обычно заметно соподчинены друг другу, действуют сообща. Одновременно реализовались три иерархические структуры - официальная и две стихийные - наилучшая и наихудшая.

Люди придумали уйму сложных и витиеватых теорий, объясняющих некоторые особенности человеческого поведения, а ларчик открывается так просто: поведение мотивирует врожденная программа, очень простая и рациональная, проверенная естественным отбором на многих видах. А употребим ли мы ее во зло другим и себе или на пользу - зависит от нашей морали и нашего разума.

* * *

Признать неизбежность для человека иерархического построения - еще не значит оправдать любые его формы, а тем более утверждать, что чем мощнее образованная нами иерархия, тем лучше. Ведь эта программа отбиралась для дикого стада приматов, а не для цивилизованных людей. Как раз наоборот, зная, к чему приводит бесконтрольное образование иерархий, мы обязаны его контролировать, направлять по оптимальному пути. Один из них - стремиться к тому, чтобы вокруг нас было много маленьких иерархий с конкретными разнообразными интересами и чтобы мы сами входили в несколько таких групп. Это значит стремиться к тому, чтобы в обществе и повсюду была общественная жизнь, чтобы группы по интересам были независимы друг от друга и не объединялись в супериерархии. Человек чувствует себя свободным, не угнетенным иерархической структурой, если он, во-первых, знает, что может ни в одной из них не участвовать; во-вторых, участвовать во многих и занимать в каждой из них разный иерархический уровень; в-третьих, свободно покидать любую из них; и, в-четвертых, сам организовать новую группу, соответствующую его представлению о целях, характере отношений и персональном составе. Общественная жизнь развита в

демократическом обществе. Напротив, тоталитарные системы стремятся ограничить количество и разнообразие людских объединений, создать суперструктуры и контролировать их административно.

[Продолжение в №2](#)

ВЕРНУТЬСЯ

ПРИРОДА

№ 2, 1993

© В.Р. Дольник

Этологические экскурсии по запретным садам гуманитариев

(продолжение; начало см. [№ 1](#))

В.Р. Дольник

Виктор Рафаэлевич Дольник, доктор биологических наук, профессор, главный научный сотрудник Зоологического института РАН. Вице-президент Российского орнитологического общества, почетный член орнитологических обществ США, Германии, Нидерландов. Научные интересы связаны с экологией и поведением животных. В "Природе" опубликовал статью ["Существуют ли биологические механизмы регуляции численности людей?"](#) (1992. №6).

Природа власти

ЧЕЛОВЕКООБРАЗНЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ

Их группы численно невелики и построены довольно просто, но по-разному у разных видов - от семейной у живущих на деревьях орангутанов до небольшого стада у шимпанзе, ведущих полуназемный образ жизни. Зоологи потратили много сил на изучение этих видов животных. Оказалось, что у всех человекообразных самцы полностью доминируют над самками, а между собой образуют иерархическую лестницу,

У горилл - патриархальная автократия. Гориллы живут под защитой леса, питаются довольно простой растительной пищей, крупны, могучи, вооружены огромными клыками. Естественных врагов у них почти нет. В этих условиях у них сформировалась довольно простая структура группы, которую можно назвать патриархальной (т. е. со старым самцом во главе) автократией (т. е. управлением в одиночку). Высший ранг принадлежит самому старшему самцу с седой спиной. Остальные самцы - а их немного и они значительно моложе - образуют между собой простое иерархическое соподчинение. Дружественных союзов между ними нет, и коллективно противостоять иерарху они не могут. Седой самец постоянно напоминает о своем ранге, заставляя подчиненных уступать ему пищу, удобные места и оказывать другие знаки почтения. Устойчивость иерархии в группе поддерживается довольно легко, и до драк дело не доходит. Доминант ограничивается в своей угрозе соответствующей мимикой и жестом. Иногда приходится, приняв позу угрозы, подойти к провинившемуся. Тот тут же принимает позу подчинения, а доминант в ответ похлопывает его по спине, изображая ритуальное наказание.

Согласитесь, такого рода отношения бывают и среди людей. Они возможны в большой патриархальной семье или в маленькой конторе, но моделью горилл наши иерархические системы не исчерпываются. И совершенно ясно, что на такой основе сложную социальную организацию не построишь.

СТАДНЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ ОТКРЫТЫХ ПРОСТРАНСТВ

Зоологи решили обратить внимание на не столь близкие к человеку по родству виды, но зато живущие в условиях, похожих на те, в которых жили наши предки в саванне Восточной Африки. В саванне наземным обезьянам без сложной организации не выжить. Каждая из них по отдельности вооружена ненадежно для защиты от леопарда, льва и гиеновых собак, а бегают они медленнее их. Низкая плодовитость обезьян не позволяет им "платить" хищникам сколько-нибудь большую дань. Наземные собакоголовые обезьяны - павианы, бабуины, гамадрилы - живут в саванне. В сходных с предками человека условиях они могли выработать сходные приспособления и поведение.

Союзы равных рангом анубисов. Собакоголовые обезьяны могут образовывать сложно организованное большое стадо. У них борьба за иерархический ранг, а с ним и за обладание самками, составляет едва ли не самое главное в жизни самца. Борьба эта ведется сурово, с драками, а проигрыш в ней означает постоянное унижение, страх, необходимость отдавать доминантам лакомые куски. Занимающие низкий ранг павианы находятся в стрессе, чаще заболевают, меньше живут. Когда читаешь работы, описывающие все унижения, к которым они прибегают для того, чтобы изводить друг друга, временами тошно становится.

Обитающие в африканской саванне павианы анубисы "открыли" вот что: более агрессивного и сильного самца можно понизить в ранге, если найти для этого дела союзника, такого же слабоватого, как ты сам. Если удастся создать союз из нескольких самцов, можно посягнуть на стоящую еще выше особь. Для образования союза один самец обхаживает другого и старается с ним не конфликтовать. У молодых самцов, занимающих низкий ранг, эти союзы не прочны, потому что они все время предают друг друга, особенно когда дело доходит до драки с самцом более высокого ранга. Особенно если за этого самца заступится его союзник. Но постепенно какая-то часть самцов одного возраста создает более устойчивый союз, и тогда они могут свергнуть самцов более высокого ранга. Обычно стадо павианов образует иерархическую пирамиду по возрастному признаку. Но союзы могут изменить ее путем "революции снизу". Образование пирамиды по возрастному признаку, без всякого сомнения, свойственно человеку. В традиционных обществах возрастная иерархия соблюдается очень строго. Но и образование союза подчиненных с целью свержения доминанта - тоже дело обычное, известное от седой древности до наших дней. У людей эти союзы тоже неустойчивые, сравнительно легко разрушаемые. Предательство вчерашнего союзника - норма поведения политиков. Иначе не сохранялась бы тысячи лет римская поговорка "разделяй и властвуй". Конечно, до идеи объединения с целью свержения угнетателей и захвата их положения можно прийти путем интеллектуальных раздумий или компьютерных моделей, не прибегая к инстинкту. Но инстинкт этот в нас сидит и готов действовать как по велению рассудка, так и вопреки ему.

У павианов - геронтократия. Теперь, поднимем свой взор к вершине павианьей пирамиды. Кто ее венчает? Патриарх-павиан с седой гривой? Нет! Оказывается, на вершине сидят несколько патриархов. Их отношения дружескими не назовешь, доверия тоже; не видно, но и враждебности нет. Когдато в юности они долго и упорно боролись за доминирование в своей возрастной группе и давно уже установили, что друг другу ни за что не уступят. Образовав союз, они коллективно боролись за каждую иерархическую ступень в стаде. Их менее настырные и хуже организованные сверстники давно погибли, в том числе и от стресса. И вот они наверху. Их осталось мало, и будет все меньше. Теперь главная забота на всю оставшуюся жизнь - сдерживать напор субдоминантов, более многочисленных, постепенно набирающих силу и все более решительно пытающихся занять верхнюю ступень пирамиды.

Ни одному из стариков в одиночку не удержать своего положения, и они удерживают его совместно.

Групповое доминирование старших по возрасту этологи называют геронтократией - властью стариков. Геронтократия часто формируется и у людей. Она может образоваться в небольшой группе, а может - и на вершине государства. Обычно геронтократия возникает, когда официальный лидер не уверен в себе и боится более молодых. Подтягивая к себе таких же старых и не уверенных в себе, как он сам, и делясь с ними властью, он формирует старческую верхушку, для которой страх потерять власть перевешивает стремление править единолично. В обычной жизни поведение геронтов может казаться нам очень продуманным и хитроумным. В действительности же это хитрость инстинкта. Доверившись ей, некоторым удавалось сохранять власть даже будучи в состоянии старческого маразма. В традиционных обществах общепризнанная и облагороженная законами и предписаниями власть старшей возрастной группы - всех этих советов старейшин, геронтов, сенаторов - зачастую оказывалась вполне приемлемой для рядовых членов.

Пышная грива, широкая седая мантия, суровый взгляд из-под бровей и крупные желтые клыки - таков павианов гамадрилов, достигших вершины иерархии в стаде.

Достигнув вершины власти, павиан не облегчает себе жизнь. Ему все время кажется, что в стаде нет должного порядка. Сидя на возвышении, он грозно хмурит брови то на одну обезьяну, то на другую. Время от времени приходится грозить кулаком, стучать себя в грудь, скалить зубы, похлопывать себя по гениталиям, подзывать то одного, то другого самца и заставлять принять одну из поз подчинения; опустить голову, пасть ниц, встать в унижительную для самца самочью позу при спаривании. Если кто-то выкопал что-то вкусное или нашел что-то интересное - потребовать себе. Геронты считают самок своей собственностью и не могут допустить, чтобы они спаривались с самцами низших рангов, но самки себе на уме, и следить за ними нелегко. У иерарха нет ни гнезда, ни имущества. Три предмета постоянно заботят его: сохранение и приращение территории стада, удержание самок и власть.

Чем интересны макаки. Для павианов геронтократия неизбежна, ибо иерарх не может сохранить власть в одиночку. Подчиненные ему самцы не будут помогать подавлять каждого из них по отдельности. Наоборот, они способны дать коллективный отпор. Покинем на время мир самцов павианов - сильных, грубых, властолюбивых, но не подлых животных - и посмотрим к стаду макаков - обезьян помельче и слабо вооруженных. Они тоже много

времени проводят на открытых местах и образуют менее четко организованное, но более многочисленное стадо. Борьба за доминирование много значит в жизни самцов макаков, но ведется не столь жестоко. Их доминанты не нуждаются в союзе, потому что у макаков есть одна очень гнусная инстинктивная программа (встречающаяся у некоторых других стайных животных, например у собак). Стоит доминанту начать наказывать одного из подчиненных, как другие спешат ему помочь: кричат, кидаются в наказываемого калом, норовят ткнуть чемнибудь сами.

Этологи разобрались, как возникает такое поведение. Это переадресованная агрессия, накопившаяся в страхе перед доминантом. Она по обычному иерархическому принципу переносится на того, кто слабее. А таким во время наказания выглядит наказуемый) На это способны все макаки, но особенно "подонки", занимающие дно пирамиды: ведь они боятся всех и обычно могут переадресовывать агрессию лишь неживым предметам, а в этом мало радости. И вдруг наказуемый оказывается как бы ниже дна, слабее их, его можно безнаказанно ударить. Интересно, что самки, обычно в самцовые иерархические игры не играющие (их ранг ниже ранга любого самца), в это дело не только втягиваются, но и действуют усерднее самцов. Этот простой механизм позволяет доминанту без особого риска для себя подавлять нижестоящих. Стоит только начать, а дальше стадо докончит.

Согласитесь, что сходная программа срабатывает и у нас. Вы замечали в очередях, как продавщица (доминант в нашем подсознании, раз она что-то распределяет, чем-то руководит) моментально натравливает чуть не всю очередь на покупателя, попытавшегося потребовать что-нибудь, в том числе полезное для всей очереди,- работать быстрее, не обсчитывать, не хамить и т. п.? Вы замечали, что легче всего ей втянуть тех, кто подсознательно чувствует себя ниже и слабее других: женщин легче чем мужчин, пожилых женщин легче, чем молодых? Вы думаете, продавщицу этому тонкому психологическому приему нужно учить? Нет, он быстро выплывает из подсознания. У людей эта программа многолика. Проработка на собрании. Выговор в приказе. Показательный процесс. Публичная казнь. Толпа может побить осужденного камнями, требовать его смерти, а если ей выдать человека, только что занимавшего высокий пост, буквально разорвать на куски.

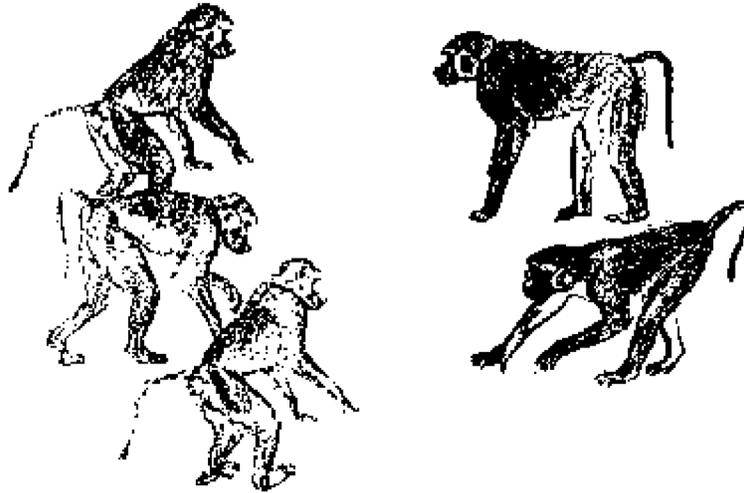
Человек отличается от макака и еще одной тонкостью: если второй никак не поощряет тех, кто срывает на наказуемом свою агрессивность, то первый самых активных может выделить, приблизить и возвысить. Так образуется самая страшная структура - иерарх в окружении подонков. В стихийно образующихся бандах подростков это обычное дело: сильный предводитель, вокруг него несколько гнусных и жалких подпевал, а ниже - значительно более сильные парни. Психологию и поведение "шестерки" очень сочно воспроизвел Р. Киплинг в знакомом с детства образе шакала Табаки, пристроившегося к тигру Шерхану.

В стихийных уголовных шайках "пахан" тоже обычно окружен "шестерками". То же срабатывает и на государственном уровне: тиран окружен сатрапами, отличительная черта которых - преступность, аморальность, трусость, подлость и агрессивность к нижестоящим. Древние греки называли такую структуру охлократией - властью наихудших.

Мы выяснили, что программа образования союзов в пределах одного ранга, существующая и у человека, не позволяет удерживать власть в одиночку. Но если ей будет противостоять программа набрасываться скопом на тех, кого атакует доминант, появляется возможность удержать власть в одиночку: небольшому союзу субдоминантов не устоять против атаки доминанта, поддержанной всеми подавленными в стаде. Вот он механизм, создающий тирана, опирающегося на "народ") Все тирании держат сильных личностей в повиновении, постоянно угрожая им скорой расправой низов.

Ради создания союза один бабуин обхаживает другого. Цель союза - совместная борьба за иерархический ранг.

Союзы борются за власть. Три более низких по рангу бабуина (слева) атакуют самцов рангом выше. Среди атакующих только средний смог вынуть хвост знаком превосходства, но и он не в силах высоко поднять голову перед доминантами. Его союзники в мозаичных позах - могут или перейти в атаку, или убежать. Один доминант твердо занял позу превосходства и готов принять бой. Но его союзник в мозаичной позе, как и два противника. Кто тут победит, зависит от того, предаст ли хоть один бабуин своих "политических" союзников. В борьбе за власть, в отличие от борьбы с внешними врагами, предательство - обычное дело.

СИМВОЛЫ СЛУЖАТ ВЛАСТИ

Главный символ превосходства у приматов (как и у многих других млекопитающих и птиц) - это зрительно возвысить себя над остальными, занять высокое место и не допускать на возвышение остальных. Троны, престолы, президиумы, трибуны - дань этой древней программе. Есть и много других символов, в том числе и забавные.

Геронты и дети. Единственная радость у стариков-павианов - это дети среднего возраста. Пока павиан поднимался вверх по иерархической лестнице, они его не интересовали. (Разве что иногда поиграет с младшими детьми своей матери.) Но теперь в нем пробудилась врожденная программа учить их жизни. Окруженный восторженно вззирающими на него детенышами (такой страшный для всех, и такой добрый для них), он показывает, как рыться в земле, раздирать гнилые пни, переворачивать камни, раскалывать орехи, докапываться до воды и делать многое другое, чему его учили в детстве и что постиг сам за долгую и удачную жизнь.

У каждого павианыша на доминантного самца с седой гривой есть три врожденные программы: "так выглядит тот, кому следует подчиняться", "так выглядит твой отец" и "учись

у того, кто так выглядит". Иными словами, это Вождь, Отец и Учитель.

Программа на склоне лет поучать молодежь сидит и в нас, очень нужная программа. Беда лишь в том, что павианы живут в повторяющемся мире вечных истин, а мы - в быстро меняющемся мире, где знания и взгляды стариков могут оказаться устаревшими. Все по той же врожденной программе окруженность детьми - один из признаков иерарха. Поэтому тираны во всем мире всегда хотели, чтобы в ритуал их появления перед подданными входила стайка детей, неожиданно и радостно выбегающих откуда-то и окружающих тирана. Портреты лидера с одной-двумя маленькими счастливыми девочками на руках - обычный атрибут всех тираний. Казалось бы, такой дешевый этологический трюк, а как сильно действует на массовое подсознание) В ответ на врожденный сигнальный стимул - облепленного детьми самца - врожденная программа кричит: "Вот он, наш Вождь, Отец и Учитель)"

И сопровождающие его лица... Посмотрим, как стадо павианов встречает на границе своих владений стадо соседей. Самцы боевого возраста выдвигаются вперед, образуя развернутый полумесяцем строй, останавливаются и принимают позы угрозы. Так же поступают соседи. Иерархи проходят сквозь строй и медленно приближаются к границе, вглядываясь в иерархов другого стада, идущих навстречу. Если встреча произошла на границе и территория не нарушена, а стадо знакомое, иерархи, узнав друг Друга, сходятся с распростертыми руками и обнимаются. После этого могут встретиться и более молодые самцы.

И эту картину мы видели сотни раз в официальной кино- и телехронике. В наше время главы государств встречаются не на границе, а приземляются сразу в столице, и гость не везет с собой в нескольких самолетах военный эскорт. Но хозяин почему-то встречает его не чем-нибудь приятным - парадом красавиц, скажем, а проводит его мимо строя своих угрюмых солдат. Люди давно, наверное, отказались бы от этой процедуры, если бы она не тешила их инстинктов.

Гильгамеш - самый древний из известных героев, полубоггерарный правитель г. Урука в Шумере (шумерская запись о его подвигах насчитывает около 4,8 тыс. лет). Лев и змея в его руках - символы власти.

Знакомая картина всеобщего одобрения властелина. Он - в позе доминирования, они - в позе умеренного подчинения. Этому рисунку более 3,5 тысяч лет. Что-нибудь изменилось?

Быть свергнутым или погибнуть. Геронтов-павианов ждет один из двух финалов: или их свергнут, или они погибнут в схватке с леопардом. Леопард - самый опасный хищник для всех живущих в саванне обезьян. Он охотился и на всех наших предков, охотится на людей и поныне) Павианы боятся его всю жизнь. Но может настать день, когда доминанты переломят в себе этот страх и навяжут леопарду смертный бой.

Погибнуть на глазах у стада и подлых трусов - субдоминантов - разве это не геройская смерть? И с нашей точки зрения тоже. Сходство программ? Этнография дает этологу много фактов, достойных сравнения. У многих племен вожди должны были до вступления в должность или в случае сомнения в том, что они сохранили свои качества, собственноручно убить хищника из семейства кошачьих - леопарда, льва или тигра в Старом Свете, ягуара или пуму в Новом Свете. А уж шлем из головы кошачьих или шкура на плечах - атрибут вождя почти повсеместно и во все времена. Троны, покрытые шкурами тех же зверей. Их изображения у входа в резиденции. Скульптуры голов (отрубленных?), в массе включенных в архитектуру царских домов на обоих полушариях Земли. Заметьте, что хищники из некошачьих (волки, медведи), не бывшие потребителями наших предков в Африке, такой популярностью не пользуются. Разве что там, где крупных кошачьих вовсе нет. Все это красиво и благородно. Но есть малоприятная сторона: давно подмечено, что, боясь потерять власть, старые тираны склонны беспричинно ввергать своих подчиненных в бессмысленные и проигрышные войны. Можно ли думать, что один из скрытых мотивов такого иррационального финиша жизни сходен с концом геронтов-павианов?

Вакантное место наверху. Пирамида, венчаемая несколькими особями, воспринимается как незавершенная: над иерархами мыслим еще один уровень, место для сверхиерарха. В мире животных возможность существования сверхиерарха не реализована. Он есть только в стае собак - ездовых, пастушеских или охотничьих: это их хозяин. Право человека стоять над собственными вожаками для собак самоочевидно: он им не ровня, он божество. Если хозяин удосуживается управлять стаей собак - очень хорошо. Но если ему недосуг - стая управляется собственными иерархами, но пиетет к хозяину от этого не убывает.

Нет ничего гениального в том, что повсеместно и многократно у людей возникала идея поместить на вакантное место сверхдоминанта нечто воображаемое, наделенное всеми сверхдоминантными качествами в их беспредельном выражении. Стоит сделать это, и иерархи становятся как бы субдоминантами сверхиерарха, его жрецами, а он - могучим защитником от остального стада. После того, как возникла речь, внушить почтение к воображаемому божеству - пара пустяков. Но и до речи можно было вызвать на какое-то время почтение у подчиненных, изображая свои особые отношения с чем-то страшным для остальных - грозным явлением природы, страшным местом или опасным животным. Это не фантазия: бездомная собака всегда чувствует себя ниже собаки, идущей с хозяином; выросший с большой собакой кот использует ее для внушения почтения котам, которые собак боятся; бык или буйвол, позволивший пастушонку вскарабкаться себе на спину, уверенно ведет за собой стадо. Чтобы повысить свой ранг, молодому шимпанзе хватило пустой канистры: нужно было лишь осмелиться подойти к этому опасному человеческому предмету, взять его в руки и научиться грохотать на страх другим.

Конечно религиозное чувство имеет сложную природу, и мы не собираемся ее обсуждать. Я всего лишь показал, что в наших врожденных программах построения группы наверху есть вакантное место. Его может занять либо воображаемое божество, либо очень даже реальный тиран.

КОЛЛЕКТИВНАЯ АГРЕССИЯ

Есть много видов, у которых отсутствуют программы коллективной агрессии. Человек к ним явно не относится. Дети рано начинают играть в войну, а став постарше, ведут территориальные войны почти всерьез; взрослые готовы воевать не на живот, а на смерть.

Некоторые гуманитарии утверждают, что войны - плод свободной воли людей, что животные не воюют. Это не так.

Павианы любят ходить строем. Стадо павианов насчитывает несколько десятков голов. Оно занимает определенную территорию, на которой есть места кормежки и относительно безопасные места отдыха. Там стадо располагается не как попало, а особым порядком - лагерем. Когда павианы переходят с места на место, они идут в определенном порядке, который можно назвать походным строем. В середине стада идут старые самцы - доминанты. Из такого положения им удобно обозревать стадо и управлять им. Одновременно это и самое безопасное место в стаде в случае неожиданного нападения хищника.

Стадо павианов проходит опасный участок саванны. Иерархи идут в центре стада

Около доминантов идет самая ценная для них часть стада: молодые самки, самки, несущие детенышей младшего возраста, и несамостоятельные детеныши. С одной стороны, это позволяет за ними следить, а с другой - это безопасное место. Самостоятельная молодежь располагается по периферии ядра стада. Впереди стада, на расстоянии видимости, развернутой цепью идет авангард из самцов второго ранга (субдоминантов). Они занимают это положение по понятным мотивам: отношения с иерархами у них напряженные, они предпочитают держаться подальше от доминантов и не видеть их. Те же, напротив, предпочитают не терять субдоминантов из поля зрения, ибо все время подозревают их в двух грехах: прелюбодеянии с самками и покушении на власть. Авангард - наиболее опасное место. Столкнувшись с умеренно сильным хищником, авангард разворачивается полумесяцем и стремится задержать его, а стадо в это время убегает. Хищники предпочитают не связываться с самцами, которые довольно сильны даже поодиночке, а тем более, когда действуют сообща.

Позади стада, тоже на расстоянии видимости, идет арьергард - самцы третьего иерархического ранга, для иерархов не опасные. Если стадо идет по пересеченной местности и обзор недостаточен, оно может выделять одну или две группы бокового охранения.

Каждый, кто знаком с армией, восклицает: "Это же предбоевой порядок пехоты!" Да, подобное построение на марше было известно с глубокой древности, так строятся боевые отряды современных "первобытных" народов. Поэтому весьма вероятно, что так строились древние первобытные люди и их двуногие предки - австралопитеки.

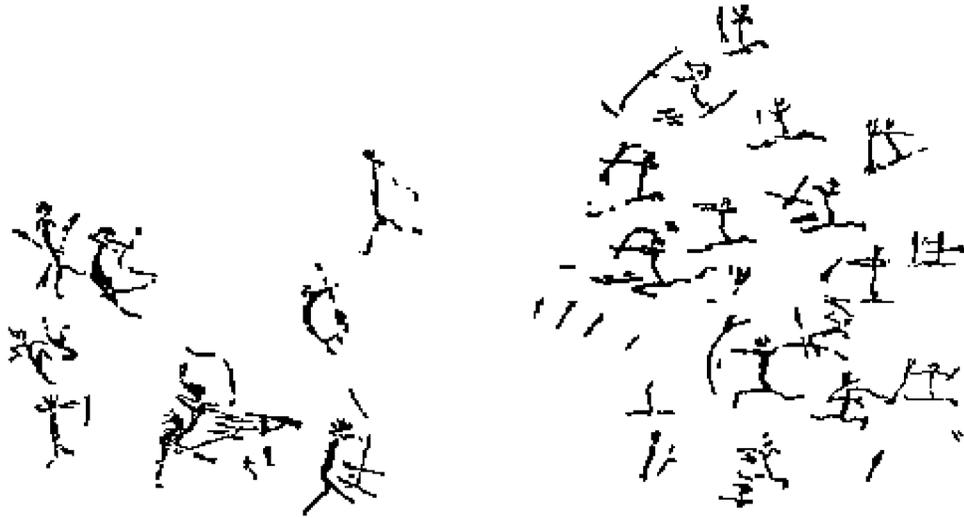
Защита территории - священный долг каждого павиана. Если стадо павианов встречает на своей территории пришельцев - оно их атакует и изгоняет прочь. Борьба за территорию - очень важная функция самцов. Без хорошей территории стадо не может существовать, процветание его зависит от ее размеров и качества. Ее нужно все время пытаться расширить за счет территорий соседних групп. Поэтому территориальные стычки между группами неизбежны.

Группы предков человека, видимо, тоже были территориальными, и для них борьба за территорию была неизбежной - со всеми ее последствиями, включая соответствующие инстинктивные программы. Территориальные войны сопровождают всю известную нам историю человечества во всем мире, а у некоторых племен они стали главным занятием в жизни. Этнографы изучали такие застойные племена и, как правило, приходили к выводу, что эти войны давно лишились всякого смысла и пользы для воюющих. Эти воюки не способны дать своей воинственности сколько-нибудь разумное объяснение. Очень похоже на господство инстинктивных программ над обыденным групповым мышлением.

На подобной почве легко образуется группа воинов, которая, с одной стороны, существует как бы для защиты общества, а с другой - сама для себя. Большую часть времени они проводят в военных упражнениях, а время от времени находят повод повоевать с соседями. Если занятых "ратными трудами" воинов общество берется кормить, открывается путь, ведущий к возникновению паразитических военных каст. Каста может разрастаться, как раковая опухоль, истощая ресурсы общества. С древности до наших дней действует этот механизм излишней милитаризации, во многом определивший ход истории человечества. В наши дни всяк с удивлением понял, что военно-промышленный комплекс, преувеличивая опасность, исходящую от других стран, оседлал все ресурсы социалистического лагеря и направил их на свое все большее разрастание.

Дерутся плечом к плечу, а умирают порознь. У стадных обезьян саванны самцы четко взаимодействуют между собой в двух случаях: когда отбиваются от хищника и когда отстаивают территорию. В остальном они друг другу не помогают. Часто можно видеть, как за стадом павианов, хромя, тащится раненый член стада. С каждым днем он все больше отстает, слабеет и в конце концов погибает. И никто не окажет ему помощь, не поделится пищей. Смог выздороветь - повезло, не смог - погиб. У гиеновых собак иначе: они не только прекрасно взаимодействуют в момент охоты, но и заботятся о пострадавших: выставляют около них охрану, издалека приносят пищу. Нам поведение гиеновых собак симпатично и понятно, ведь и мы поступаем так же. А наши предки?

Видимо, очень долгое время они вели себя как павианы. Среди обследованных скелетов предков человека, живших миллионы, сотни и даже десятки тысяч лет назад, не встречено несущих следы успешно заживших травм, при которых человек теряет на время способность ходить. Значит, получившие подобную травму люди не выживали. Конечно, когда скелетов будет найдено больше, среди них могут оказаться и экземпляры с зажившими травмами, но пока мы должны считать, что предки человека бросали на произвол судьбы раненых членов стада. Не исключено, что помощь раненым появилась не раньше эпохи великих загонных охот, т. е. 12-6 тыс. лет назад. Без специальных исследований трудно решить, является ли принцип "сам погибай, а товарища выручай" нашей врожденной потребностью (и тогда это один из молодых инстинктов) или он "поддерживается одним лишь воспитанием. Кстати, каннибализм - тоже новообретенное, его не было еще 10 тыс. лет назад.

Возможно это самое древнее изображение войны (Восточная Испания, разумный человек, эпоха охот и людоедства; не ранее 9-7 тыс. лет назад). Правое "войско", используя численное превосходство, стремительно атакует "павианьим выпуклым полумесяцем", стреляя на бегу из луков. Противники стреляют с места. Их строй тоже "павианий", но оборонительный: авангард из четырех человек образует вогнутый полумесяц и каре, прикрывающее двух раненых в центре. В отличие от сцен сражений в более позднюю эпоху, никто не убегает.

Чему служила мстительность. Реакция стада на похищение из его рядов одного из членов хищником у разных видов своя. Многие травоядные млекопитающие и многие виды птиц относятся к этому как к чему-то неизбежному и незначительному: отбежали, тут же успокоились и продолжают прежнюю жизнь. В момент нападения на стадо хищник тоже может быть атакован, но, схватив жертву, он больше ничем не рискует. Другие виды делают короткую попытку отбить собрата. Но стоит хищнику немного отбежать или отлететь, как стадо прекращает его преследовать. А есть виды с удивительным поведением: они могут часами гнаться за хищником и донимать его. Всем знакомый пример - вороны. Если кто-то схватил ворону и поволок прочь, ее товарки скликают всех окрестных ворон, и те начинают с воплем преследовать хищника, не позволяя ему насытиться добычей. И зачастую им это удается: хищник в конце концов бросает труп вороны и спешит скрыться. Но этим неприятности для него не кончаются. Теперь, где бы он ни появился, вокруг слетаются вороны и поднимают гвалт. Жить в такой обстановке хищнику неуютно, а охотиться просто бесполезно. Такое поведение ворон очень эффективно. Хищник быстро усваивает, что ворону, может быть, и легко поймать, но съесть ее не так просто. А если и поймаешь, то потом наголодаешься: охотиться не дадут. С воронами лучше не связываться.

Многие обезьяны тоже мстительны, преследуют схватившего товарку хищника и долго ему мстят потом.

Человек проявляет ту же тактику. Вот, например, как описывали английские исследователи поведение индийских деревенских жителей, подвергшихся нападению тигралоюда. Когда тигр появляется в окрестностях, вся деревня прячется по домам и пассивно выжидает. Тигр может так обнаглеть, что расхаживает по деревне и заглядывает в дома. Но вот ему удалось похитить одного человека. Тут же вся деревня выходит из домов с тазами, трещотками, колотушками и начинает со страшным шумом и гвалтом преследовать людоеда. Тигр уходит, волоча жертву, старается спрятаться. Но его находят и снова преследуют. В конце концов тигр бросает жертву и уходит, а люди уносят труп в деревню.

Городскому человеку подобное поведение кажется нелепым: не лучше ли было бы упредить тигра и начать донимать его до того, как он кого-нибудь задавит? Может быть, и лучше, но на

это у людей не хватает духу. Потребность же отомстить оказывается очень сильной и мобилизует коллективное поведение. Можно думать, что тактику преследования хищника с добычей с успехом применяли и предки человека.

Мстительность объединяет людей не только для борьбы с хищниками, но и в борьбе между разными группами людей. Вчитайтесь в "Илиаду", и вы обнаружите такие картины: два войска стоят насупротив и вяло обмениваются стычками. Но вот один герой убит. Тут же за его труп завязывается жаркая схватка, гибнут воины. Она продолжается, пока одна из сторон окончательно не завладеет трупом. Создается впечатление, что отбить тело павшего товарища - чуть ли не главная цель воюющих. А оставить поле боя с трупами товарищей в руках врага - страшное и позорное поражение для всех воинов во все времена. С точки зрения холодного разума, потеря трупов никак не может быть существенной утратой хотя бы по сравнению с самой гибелью воинов.

Другое проявление той же программы - кровная месть, порой передающаяся от поколения к поколению. Есть и много других неожиданных проявлений все той же программы преследования хищников.

КАКИМ МОГЛО БЫТЬ ПЕРВОБЫТНОЕ СТАДО?

Живший в Африке 3-4 млн. лет назад прямоходящий предок человека - афарский австралопитек - был ростом около метра; сменивший его первый изготовитель каменных орудий - умелый человек - был того же роста. И лишь следующий вид - прямоходящий человек, появившийся там же около 1,6 млн. лет назад, был в полтора раза выше.

Ранние гоминиды не умели охотиться на крупных животных. Последние исследования показали, что они занимались собирательством, ловлей мелких животных, а также разыскивали и поедали трупы. Так что хотя они и имели под рукой заостренный камень, убить им хищника в одиночку, скорее всего, не могли.

Это были не крупные, от природы слабо вооруженные существа, к тому же бегавшие медленнее (даже в сравнении с макаком и павианом), очень невороткие и вдобавок не способные быстро вскарабкаться по стволу дерева. Они были беззащитнее шимпанзе, не говоря уж о гориллах. А жили в саванне, самой опасной для приматов среде. Следовательно, предположение о том, что они жили отдельными семьями или небольшими, слабо организованными группами (как гориллы и шимпанзе) не проходит.

В то же время очень сильная по зоологическим меркам агрессивность человека, его очень высокая (даже по сравнению с обезьянами) сексуальность, чувство ревности, приводящее даже к убийству соперника и, наконец, потребность мужчин с детства до старости бороться за свой иерархический ранг - все это для этологов бесспорное свидетельство того, что становым хребтом стада древних гоминид была жесткая иерархическая пирамида, образованная половозрелыми самцами. У очень многих живущих группой или небольшим стадом животных - орангутанов, львов, лошадей - во избежание бесконечных конфликтов самец-доминант изгоняет из стада других самцов, включая собственных сыновей. Но это все животные либо живущие в безопасности, либо хорошо вооруженные, либо быстро бегущие. Будь предки человека хорошо защищены, они, возможно, пошли бы таким же путем.

В те же времена и в тех же местах обитало пять видов "поздних" австралопитеков - наших громадных, моргучих, с мощными челюстями и зубами, прямоходящих двоюродных прапрадедушек. Вот им этот путь не был закрыт. Но наши мелкие, стройные, мелкозубые предки были плохо защищены, все взрослые самцы им были нужны для коллективной защиты самок и потомства.

С той же проблемой столкнулись в саванне предки нескольких видов макаков и собакоголовых. Они решили ее сходно, создав стадо, построенное на иерархии взрослых самцов. У разных видов организация отличается лишь некоторыми нюансами, зависящими, в частности, от того, насколько хорошо вооружены самцы. Зоологи уже довольно давно пришли к выводу, что и предки человека проделали конвергентно во многом похожий путь. Следовательно, мы должны присматриваться не только к социальной организации человекообразных обезьян, но и к организации стадных обезьян саванны, сохранивших до наших дней действующие модели социальной организации предков человека. Вот почему этологи тщательно изучают собакоголовых и макаков. Они нашли у них очень много паразитических аналогов, о малой части которых я уже поведал.

Равенство или иерархия. Мы видим, что в первобытном стаде предков человека не могли быть и тени равноправия. "Первобытный коммунизм" - выдумка кабинетных ученых прошлого века. К тому времени этнографы обнаружили у некоторых зашедших в тупик и вторично деградировавших племен, обитавших в крайне неблагоприятных условиях, разного рода "выверты". Одни были озабочены тем, чтобы ни у кого не было ничего своего, другие - сложным ритуалом дележа добычи между всеми, третьи следили за тем, чтобы все дедали одну и ту же работу сообща и одновременно, четвертые подавляли у сородичей всякое проявление инициативы, пятые настолько увлекались спиртным или объедались наркотиками, что были ни на что не способны, и племя поддерживалось усилиями не злоупотреблявших наркотиками женщин и т.п. Из этих крупиц некоторые авторы слепили образ первобытной райской жизни - "первобытного коммунизма", а другие - теорию матриархата. Наука быстро разобралась в этих заблуждениях. Но некоторые кабинетные философы прошлого века взяли их за основу для далеко идущих построений о прошлом и будущем человечества. В XX в. на всех материках, во всех климатических поясах и на представителях всех рас был поставлен гигантский эксперимент воплощения этих теорий в жизнь и построения на их основе коммунизма. Эксперимент, о котором физиолог И. П. Павлов сказал, что пожалел бы на него даже одну лягушку. В результате эксперимента повсюду вместо общества равенства возникли жестокие иерархические пирамиды, увенчанные тиранами - "паханами" в окружении "шестерок" - "тонкошеих вождей", по меткому определению О. Мандельштама.

Сопоставляя врожденные программы поведения, проявляющиеся у человека, с поведением стадных приматов, мы можем в общих чертах реконструировать построение стада у предков человека. Несомненно, что в основе своей оно имело мужскую иерархию.

Иерархическая пирамида самцов формировалась в первую очередь по возрасту. Внутри каждой возрастной группы самцы боролись за свой иерархический ранг как в одиночку, так и объединяясь в неустойчивые союзы. Если союз получался достаточно прочным, он пытался свергнуть самцов более высокого уровня в пирамиде. При удаче союз пробивался на вершину, и возникала геронтократия. Если на вершину прорывался один выдающийся по агрессивности самец - образовывалась автократия. Автократа окружали "шестерки" - особи с невысокими личными возможностями, но услужливые, коварные и жестокие. Иерархи все время подавляли субдоминантов. Те немедленно переадресовывали агрессию подчиненным, они, в свою очередь, тем, кто ниже, и так до дна пирамиды.

Стадо, особенно его подавленная часть, поддерживало автократа и геронтов, когда те наказывали кого-нибудь, особенно субдоминантов. Самки принимали участие в коллективных осуждениях и расправах. Автократа и геронты в случае необходимости натравливали находящихся на дне пирамиды на опасных для власти самцов. В стаде действовали принципы, описываемые словами: "где суд, там и расправа" и "иерарх всегда прав".

Детеныши видели в иерархах своих отцов, а те занимались их обучением. Иерархов любили самки, дети и самцы низких рангов. Только субдоминанты питали к ним подавленную

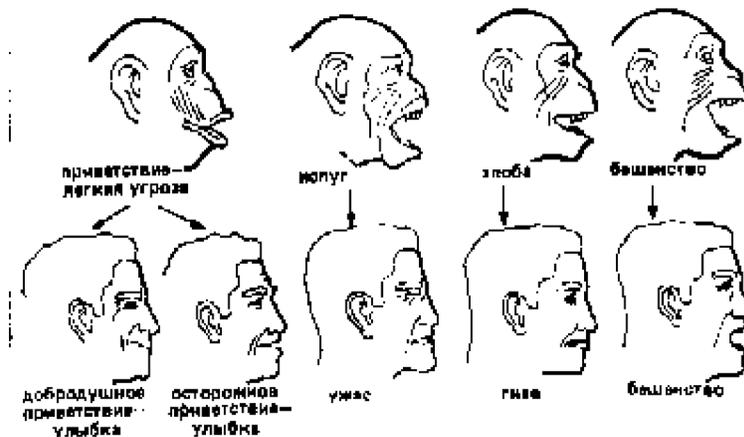
агрессивность. Если вам показалось, что это было общество несчастных, вы заблуждаетесь; довольных-большинство.

ОТ СТАДА ДО ИМПЕРИИ

Обычные иерархические системы у позвоночных животных не могут быть слишком обширными по составу и охватывать большую территорию. Они построены на том, что ранг каждого известен каждому, т. е. все должны знать Друг друга и узнавать в лицо. Однако если есть инстинктивная программа всем поддерживать действия доминанта, то ему уже не обязательно знать всех. Достаточно, чтобы его все знали и знали его "шестерок". А еще лучше, чтобы и не зная, узнавали бы. Для этого достаточно, чтобы его ранг был на нем обозначен, написан на лбу, так сказать. А это достигается у человека использованием символов власти. Беря в руки, надевая на голову или плечи символы, можно управлять каким угодно количеством людей, создавать массовые, охватывающие обширные территории иерархические структуры, вплоть до государства.

Не будь в нас программы подчинения символам, чего ради толпа слушалась бы нескольких распорядителей, надевших себе на руку повязку, или внимала речам тех, кто взобрался на возвышение? И чтобы организовать и повести куда-то толпу, нужен символ - флаг, знамя. Мораль учит: "не сотвори себе кумира", т. е. она не рекомендует ослеплять себя воздействием символов. Разум тоже не рекомендует нам слепо подчиняться символам, и глядя со стороны на шествия с флагами сторонников чего-то, что нам чуждо или безразлично, мы остаемся спокойными.

Но если в опасности что-то дорогое нам, мы бросаемся защищать его символ, забыв все предостережения рассудка. Люди в самом прямом смысле готовы идти за символом в огонь и в воду, погибать, не рассуждая и не задумываясь. Лишь бы угроза исходила от других людей. Под знаменами идут на врага, свергают власть, но никто не ходит под знаменами бороться с наводнением, засухой, пожаром или саранчой.

Оскалы и улыбки. У человека они менее выразительны, чем у шимпанзе, из-за ослабления мышц лица.

Оскалы и улыбки. Иерархические стычки между людьми происходят много чаще, чем мы думаем. Дело в том, что естественный отбор создал много программ, смягчающих столкновения. Вот один довольно забавный пример. Демонстрация оскала - широчайше распространенная у позвоночных инстинктивная программа. Ее цель - предупредить при встрече с кем-либо о вооруженности и готовности за себя постоять. Приматы пользуются ею очень широко при контактах. Человек тоже скалит зубы при сильном страхе или гневе. Оказаться адресатом такой демонстрации неприятно.

Но у программы показа зубов есть еще два куда более мягких варианта. **Первый** - заискивающая улыбка. Так улыбается человек, вступая в контакт с тем, кого он побаивается. **Второй** - это широкая улыбка. Так улыбается другому спокойный, уверенный в себе человек. В сущности он тоже показывает вам, что вооружен и готов за себя постоять и в вашем снисхождении не нуждается. Но эта форма демонстрации настолько мягкая, что не только не вызывает у вас страха, а, напротив, действует приветливо и умиротворяюще. Давно замечено: когда путешественник из страны с тоталитарным режимом посещает страну, где люди чувствуют себя свободно, его поначалу удивляет, почему это они все время улыбаются друг другу и ему. Путешественник, привыкший к отсутствию улыбок или к заискивающей улыбке, обычной при тоталитарном режиме, в первые дни думает, что от него чего-то хотят.

Вы замечали, наверное, не раз, как склонный к авторитарности начальник, видя в зале совещания улыбающихся друг другу подчиненных, приходит в волнение и требует прекратить улыбаться. Ларчик открывается просто: во-первых, начальник привык, что ему при встрече сотрудники улыбаются иной улыбкой - заискивающей. Во-вторых, когда начальник подсознательно ощущает, что среди подчиненных есть лкэдц, чувствующие себя свободно, он настораживается: "Свободны от кого? От начальника? Не боятся? Значит, не уважают?"

Почему тирана любят. Когда начальник путает слова "бояться" и "уважать", он поступает так потому, что в нем срабатывает врожденная программа, как контролировать уровень агрессивности у подчиненных особей. Эта программа имеет два варианта - мягкий и жесткий. В конфликтной ситуации подчиненные должны испытывать к доминанту страх, а он к ним - смесь страха и гнева. Подобное состояние тяжело для обеих сторон и не должно быть длительным. В обычной ситуации для сохранения соподчинения достаточно, чтобы подчиненные испытывали очень легкий страх. Доминант воспринимает этот нормальный уровень страха как сигнал положительный. Он перестает бояться и отдыхает. Теперь он может проявить к подчиненным самые мягкие формы демонстрации превосходства - похлопать по спине (мягкая форма наказания), перестать хмурить брови, чем-то поощрить. Выросшие в жесткой иерархической структуре генералы даже в официальной обстановке заявляют, что "без атомного оружия нас перестанут уважать". Для них "бояться" и "уважать" - одно и то же, просто слово "уважать" приятнее и "уважаемому", и "уважающим".

У подчиненной особи по отношению к доминанту есть программа, дающая четыре варианта ощущений. Самый резкий из них - безысходная ненависть. Следующий вариант - чистый страх. С такими ощущениями жить очень тяжело. Много меняется при третьем варианте: особь принимает поведение доминанта как должное и быстро, без всплеска эмоций, выдает точно отмеренную дозу умиротворяющего поведения.

А четвертый вариант вообще поразительный. Из-за неосознаваемого страха перед доминантом особь по своей инициативе проявляет к нему все существующие формы умиротворения и подчинения. А добровольное выражение такого поведения - это не что иное, как любовь. Любовь к доминанту может быть невероятно сильной и ослепляющей, т. е. скрывающей его недостатки и преувеличивающей его достоинства. Вспомните, как любит вас ваша собака. У каждого из нас эмоциональный отклик на превосходящих нас людей принимает один из этих вариантов. Весь набор чувств может вызвать один и тот же человек (это, конечно, очень тяжелый случай).

Если же вы ненавидите всех, кто чем-то выше вас - старшеклассников, учителей, артистов, ученых, писателей, отца родного, в вашей инстинктивной программе что-то сместилось. Бывает и обратное: человек перед всеми, кто доминирует над ним или мог бы доминировать - продавцами, кассирами, официантами, людьми в форме, - ведет себя заискивающе, а всех начальников без разбору любит. Второму человеку жить все же легче, чем первому.

Я думаю, что вы, читатель, теперь сами можете разгадать страшную по последствиям загадку "почему тиранов любят". Тирания создает атмосферу страха. Человеку тяжело жить в постоянном страхе перед доминантом. И от того, что его не видишь, не знаешь, чем он сейчас занят ("а вдруг мной?"), страх только увеличивается. Настоящие тираны это интуитивно понимают и заполняют свои владения преувеличенными изображениями своей персоны: "видишь, я - всюду, стою и смотрю на тебя". Чем может помочь инстинктивная программа человеку в этом безвыходном положении? Только одним: переключиться на вариант любви к длительно и постоянно внушающему страх доминанту. Сразу жить становится легче, жить становится веселее. Теперь уж чем сильнее любовь, тем глуше страх. Конечно, среди "любящих" тирана много таких, кто просто притворяется. Но речь о других, о феномене искренней любви, и такой сильной, что когда тиран велит казнить человека (ни за что, просто подвернулся) - тот умирает с криком: "Да здравствует тиран!"

Я не шутил, когда написал, что стадо предков человека не было обществом несчастных: иерархические программы устроены так, что жить в нем было можно, а "всем довольные" встречались не только среди иерархов. К тому же жизнь смягчалась не имеющими отношения к иерархии альтруистическими программами.

"Пнуть мертвого льва". Сколько ни желают тиранам жить вечно, они все же смертны. Когда тиран умирает, общество расслаивается. Те, кого он не смог деформировать, воздают ему последние почести ровно настолько, насколько он их заслужил, с их точки зрения. Те, кто его очень любил, пребывают в безмерном горе. Те, кому он лично насолил, просто радуются. И те, и другие, и третьи как вели себя, так и ведут. Но многие резко меняют поведение и спешат, как говорили древние, "пнуть мертвого льва", точнее было бы сказать, леопарда.

Люди относятся к такой перемене по-разному. Одним такое поведение кажется безобразным, а другие его одобряют.

Говорят, что этим они "выдавливают из себя по капле раба". Но это чеховское выражение здесь неуместно. Раба надо было выдавливать, пока тиран был жив. Если человек этим регулярно не занимался, после смерти тирана рабское из себя уже не выдавить. Просто из раба молчаливого и покорного можно превратиться в раба разнузданного и крикливого. Без этологии "суету мышей вокруг мертвого кота" понять трудно. Дело в том, что в малоагрессивной по природе особи любого вида животных при длительном ее подавлении агрессивность никому не переадресуется. Ее адресат ясен - угнетатель, но особь не решается хоть как-то проявить ее в отношении адресата. Когда тот погибает, исчезает не только страх, но и снимается запрет причинять боль живому. И накопившаяся агрессивность изливается на адресата законного, но неживого. Заметьте, что люди, пинающие мертвого льва, обычно довольно хорошие люди. "Дно" в этом не участвует. И как раз наоборот, именно "дно" и очень плохие люди травят, мучают и казнят низложенного правителя.

"Смерть тиранам!" В том, что тирания преобразует страх перед тираном в любовь к нему, первыми разобрались древние греки. И поняли, что самому полису (древнему городу-государству) почти невозможно вырваться из ловушки тирании. Греки нашли простой способ лечить от тирании. Как заведется в каком-нибудь городе тиран, так остальные города собираются вместе, берут штурмом город и избавляют его от тирана. Эта технология "смерть тиранам" оказалась действенной: лет за сто греки их почти повсюду вывели.

Сбрасывание монументов как лечебная процедура. У нас еще не кончилось повсеместное свержение памятников тиранам и их сатрапам и горячая дискуссия об этичности подобного поведения. В ходе нее высказано много умных мыслей, но все они выглядят отвлеченными построениями, ибо люди не знают и не понимают подсознательной основы своего поведения, его этологической базы. Мы уже выяснили, что тираны ставят повсюду свои преувеличенные изображения, чтобы вы жили в тревожном страхе. Эти памятники направлены против вас, против вашего психологического здоровья и психологического комфорта. Они совсем не

безвредны для вас, пока вы их боитесь. У массы людей годами подавленная агрессивность к тоталитарному режиму переадресована этим истуканам. Все они испытывают нечто подобное тому, что испытывал Евгений в "Медном всаднике". И простейшее, чисто животное исцеляющее от страха действие - разрушить истукана, унижить его, заставить лежать у ног. Свергая огромные статуи своих палачей, народ пусть не цивилизованным, но зато самым биологичным способом освобождает себя от страха и агрессивности. Чувство облегчения так сильно, что повсюду, повергнув кумира, толпа принималась петь и плясать (а не все крушить). Урок чистой этологии. И не надо говорить, что народ разрушает произведения искусства, памятники своей истории. Тираны меньше всего заботились о том, чтобы их изображения были художественны. Они хотели, чтобы истуканы были "величественны", искусство сознательно приносилось в жертву психотехнике. Убрать их - такая же примитивная врожденная потребность, как вытереть плевки с лица. Вот когда народ исцелится от страха и любви к тиранам по-настоящему и совсем другими, много более сложными действиями, тогда он сможет признать этих истуканов памятниками своей истории. Но все же позорной истории. Ее каменными плевками в лицо.

Обратившись к нашему вероятному генетическому багажу, мы убедились, что в нем есть наследство, доставшееся нам от предков - прямоходящих стадных обезьян африканской саванны. Что эти программы поведения срабатывают, задавая определенную направленность некоторых сторон нашего социального поведения, ограничивая возможность свободного выбора. Что слепое или полуслепое следование им приводит к тому, что люди легко формируют автократические или геронтократические (Олигархические) иерархии, вплоть до весьма обширных, в которых большинство может не знать друг друга в лицо. И что эти структуры легко милитаризуются и ищут поводы для вооруженных конфликтов. (Кому мало уроков прошлой истории - посмотрите, как распадаются социалистические страны.) Понимать это далеко не бесполезно не только для того, чтобы лучше понять историю и события, современниками и участниками которых мы стали. Главное - это уроки на будущее. Осведомленный человек не станет надеяться на спасительность стихийного прихода к власти сильной личности: он заранее знает, какой "порядок" эта личность, наведет. Не может он надеяться и на то, что "авось все само собой образуется"; ведь он знает, что сам собой образуется худший сценарий. Наконец, он не увлечется призывами ни нацистов, ни религиозных фундаменталистов, ни анархистов, ни коммунистов. Ибо первые и вторые откровенно исповедуют жесткую иерархию, построенную на соответствующих инстинктах, а третьи и четвертые неизбежно отдают общество в полную власть тех самых биологических инстинктов, существование которых они столь ярко отрицают в теории.

[Продолжение в № 3](#)

ВЕРНУТЬСЯ

ПРИРОДА

№ 3, 1993

© В.Р. Дольник

Этологические экскурсии по запретным садам гуманитариев

(продолжение; начало см. [№ 1](#) и [№ 2](#))

В.Р. Дольник

Виктор Рафаэлевич Дольник, доктор биологических наук, профессор, главный научный сотрудник Зоологического института РАН. Вице-президент Российского орнитологического общества, почетный член орнитологических обществ США, Германии, Нидерландов. Научные интересы связаны с экологией и поведением животных. В "Природе" опубликовал статью ["Существуют ли биологические механизмы регуляции численности людей?"](#) (1992. № 6.).

Прогулка по истории с учебником этологии

Выяснив в предыдущих частях ("Природа", 1993, № 1-2), как влияют на поведение людей инстинктивные программы, свойственные человеку как биологическому виду, и как пестро и путанно преломляются они в нашем сознании, мы вправе попробовать приложить полученные знания к истории созданных человечеством государств и к тем теориям, которыми пытались объяснить возникновение государств. Взгляд с этологической позиции не может быть исчерпывающим или полностью верным. Ценность его - в совершенно ином подходе.

АВТОКРАТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ ОПИРАЮТСЯ НА ИНСТИНКТИВНЫЕ ПРОГРАММЫ

Блеск и нищета империй. У историка и этолога противоположное восприятие мощных автократических и тоталитарных государств прошлого и настоящего. Для историка эти многоступенчатые иерархические образования - достижения разума, блестящей организации, гениальных царей и полководцев. Они возвышаются над организацией прочих племен и народов, как египетские пирамиды над барханами песка.

Для этолога - это примитивные самообразующиеся структуры, просто разросшиеся до гигантских размеров. Их построили не гении, а "паханы". Самосборка геометрически совершенных структур бывает и в неживой природе. Каждый мог наблюдать, как в насыщенном растворе самособираются красивые кристаллы. Кто не любовался причудливой формой снежинок, образующихся из паров воды в воздухе) У воды есть несколько вариантов (программ) самосборки, и в зависимости от внешних условий образуются разные снежинки.

В силу инстинктивных программ люди самособираются в иерархические пирамиды, это почти так же неизбежно, как образование кристаллов. Если будет задействован весь ряд иерархических программ, люди могут образовать огромную по масштабам, но примитивную по устройству структуру соподчинения - авторитарную империю. Эта структура совсем не обязательно самая выгодная для каждого человека и всех вместе или самое эффективное и правильное из того, что люди могли бы создать. Это всего лишь самое простое. С эволюционной точки зрения, образовать автократическое государство - это не подняться на вершину, что требует верно направленных усилий, а скатиться в воронку, для чего можно либо вообще усилий не применять, либо применять их неверно, барахтаться. Взгляд неожиданный, но продуктивный. "*Человек - животное политическое*", - написал когда-то Аристотель, знаток животных и создатель зоологии. Политическое - это полисное, образующее структуру иерархически оформленного поселения, как муравей - животное муравейниковое, озерная чайка - колониальное, медведь - территориальное, а аист - семейное.

Если подсознание определяет бытие. Мы познакомились с властью как прямым проявлением иерархических законов. Но между людьми есть еще и материальные - отношения. Какими они были у предков? - Для общественных насекомых сложно организованное, с разделением труда, производство пищи и строительство значат все. Ничего подобного у приматов нет (человек - исключение). Но некоторые материальные отношения между ними имеются, у этих отношений есть инстинктивная основа, и она, конечно, сказала свое слово, когда и человек занялся производством материальных благ.

Старые представления о долгих сотнях тысяч лет коллективных охот на крупного зверя, а с ними и споры гуманистов о том, как делили предки человека добычу, теперь стали анахронизмом. Период Больших Охот был кратким счастливым мигом, его прошло далеко не все человечество, и охотники почти везде вымерли, а не превратились в земледельцев. Те более полутора миллионов лет, когда происходила биологическая эволюция предков разумного человека, туши животных не добывали, а находили. Как в таком случае поступают звери и птицы в хорошо изученной зоологами саванне, довольно ясно: охраняя тушу от конкурентов, ее быстро разделяют, растаскивают по кускам и съедают, сколько в кого влезет. Хранить или таскать с собой недоеденное в саванне будет только идиот. Там даже прайду (устойчивой группе) львов и леопарду не всегда удается уберечь добычу от гиен и гиеновых собак. Спрятать ее почти невозможно: грифам и сипам сверху видно все.

Слабым, ничего не видящим ночью людям (ведь в отличие от старых представлений, мы теперь знаем, что ни костров, ни собак у них не было) подвергнуться из-за остатков туши нападению стай гиен или даже одиночного льва, тоже питающегося чужими объедками, было бы совсем некстати.

Большие запасы пищи впервые, по-видимому, стали появляться у растениеводческих популяций после сбора урожая. В силу мозаичного распределения пригодных для посевов участков и привязанности к ним в таких группах должна была ослабевать оборонительная структура. Вот тут-то их, вместе с их собственностью, и могла подмять под себя иерархически сплоченная группа ничего не производящих людей. Она могла выступить в роли захватчиков, а могла и в роли добровольно-принудительных защитников от других захватчиков. Она могла быть местной, говорящей на том же языке, а могла быть и пришлой.

С каким же набором врожденных программ люди могли вступить в экономические взаимоотношения? Да с тем же, что был у них и их предков всегда.

Шесть способов присвоить чужое. Почти все виды общественных животных имеют шесть врожденных программ заполучения чужого добра.

Первая - это захват и удержание самого источника благ: богатого кормом места, плодоносящего растения, стада малоподвижных животных, трупа, источника воды и т. п. Захваченное добро удерживается силой: всех, кого можно прогнать, прогоняют. Вы все могли наблюдать действие этой программы на кормушке для синиц. После ряда стычек ее захватывает самый настырный самец и старается никого больше не подпустить к пище. Синицы - пример всем знакомый, но очень простой. Есть виды с куда более изощренными приемами удержания источника благ, особенно когда этим занимаются не в одиночку, а группой. У человека подобная программа проявляется еще в раннем детстве. Поскольку, как правило, удержать за собой источник благ может лишь сильная особь, постольку для посторонних сам факт обладания им - признак силы и власти.

Вторая - это отнятие чужой собственности, силой, пользуясь своим физическим превосходством (ограбление). Дети начинают грабить раньше, чем говорить.

Третья - отнятие добра и благ у стоящих ниже рангом без стычки, "по праву" доминирования. Отнятие - один из способов утверждения иерархии (многие виды занимаются этим все время, хотя бы в символической форме). Так ведут себя и общественные обезьяны. У них подчиненные особи не только безропотно отдают все, что заинтересует доминанта, но и, упрямая его гнев, "каждый сам ему приносит и спасибо говорит". Сразу даже не поймешь, дань это или подарок. Много всякого интересного и грустного возникло на этой основе у людей. Во все времена начальники вымогали "подарки". Сколько стел сохранилось с перечислением и изображением подданных, выстроившихся длинной вереницей с подношениями тирану. В Москве был даже "Музей подарков товарищу Сталину". Для нашей же темы важен другой аспект: передача добра снизу вверх по иерархической пирамиде для людей "естественна" в том смысле, что имеет хорошо отлаженную инстинктивную основу.

Четвертая программа запознания чужой собственности - похищение. Воровство принципиально отличается от грабежа тем, что его совершает особь, стоящая рангом ниже обворовываемой. Поэтому воруют животные тайно, применяя разного рода уловки, стазив - убегают и прячут или съедают незаметно. Когда у животного запускается программа воровства, то сразу предупреждает о запрете: попадешься - побьют. У обезьян из-за их жесткой структуры воровство процветает повсюду. Человек - тоже существо вороватое.

Пятая программа - попрошайничество. На него способны почти все животные. Вспомните зоопарк: это коллекция попрошаек разных видов. Очень часто поза попрошайничества имитирует позу детеныша, выпрашивающего корм. Попрошайничество кое-что дает: увидев особь, вставшую в эту позу, некоторые животные делятся пищей или могут потесниться на кормном месте. Общественные обезьяны - ужасные попрошайки, это знает всякий. Просят они так настойчиво и жалко, что не подать им трудно. Попрошайничество всегда адресовано вверх: обращено или к тому, кто захватил источник благ, или к более сильной особи, или к равной по рангу. Естественно, что попрошайничают в основном обезьяны, находящиеся на нижних этажах иерархии. Попрошайничество детенышей - особая статья, так же как попрошайничество самок, если их подкармливают самцы. У человека попрошайничество развито сильнее, чем у обезьян: мы все время что-нибудь просим или вынуждены просить.

Наконец, **шестая** программа - обмен. Он развит у обезьян и некоторых врановых. Меняются животные одного ранга. У обезьян и ворон обмен всегда обманный: у них есть очень хитрые программы, как обдурить партнера, подсунуть ему не то, захватить оба предмета, которыми начали меняться, и т. п. У человека обмен тоже развит, и подсознательная его сторона - обязательная выгода ("не обманешь - не продашь"). Честный взаимовыгодный обмен - позднее достижение разума, борющегося с мошеннической инстинктивной программой.

Чье лицо у социализма? В прошлом веке, когда о жизни обезьян почти ничего не знали, сообщения о том, что они делятся пищей, привели в умиление некоторых мыслителей. Еще

был. Стоит развить эту милую привычку дальше - и получишь общество справедливого распределения у предков человека. И в нашем веке некоторые умоляли зоологов: найдите, найдите "зачатки", они так нужны для фундамента Верного Учения) Раз оно их предсказывает - должны быть. Но все напрасно. Не нашли. Зато выяснили другое. Иерархи стадных обезьян никогда не делятся с другими самцами тем, что добыли сами, своим трудом. Они раздают отнятое у Других, причем то, что оказалось не нужным самому. При кочевом образе жизни все, что не смог сожрать и спрятать за щеку, приходится или бросать, или "распределять". Одаривают "шестерок" и самых униженных попрошаек, зачастую по несколько раз вручая подачку и тут же отбирая. Эта процедура - не забота о ближнем, а еще один способ дать другим почувствовать свое иерархическое превосходство.

Этологи проделали с обезьянами много опытов по выяснению материальных отношений. Вот один из них. Если обучить содержащихся в загоне павианов пользоваться запирающимся сундуком, они сразу соображают, как удобно в нем хранить пожитки. Теперь, если доминанта снабдить сундуком, он только копит отнятое добро, ничего не раздавая. Если все получают по сундуку - доминант все сундуки концентрирует у себя. Второй опыт: обезьян обучили, качая определенное время рычаг, зарабатывать жетон, на который можно в автомате купить то, что выставлено за стеклом. Общество сразу расслоилось: одни зарабатывали жетон, другие попрошайничали у автомата, а доминанты - грабили, причем быстро сообразили, что отнимать жетоны, которые можно хранить за щекой, выгоднее, чем купленные тружеником продукты.

Труженики сначала распались на два типа: одни работали впрок и копили жетоны, тратя их экономно, а другие как заработают жетон, так сразу и проедают. Спустя некоторое время труженики-накопители, которых грабили доминанты, отчаялись и тоже стали работать ровно на один жетон и тут же его тратить. Эти и многие другие исследования показали, что на основе своих инстинктивных программ приматы коммунизма не строят. Они строят всегда одно и то же - "реальный социализм".

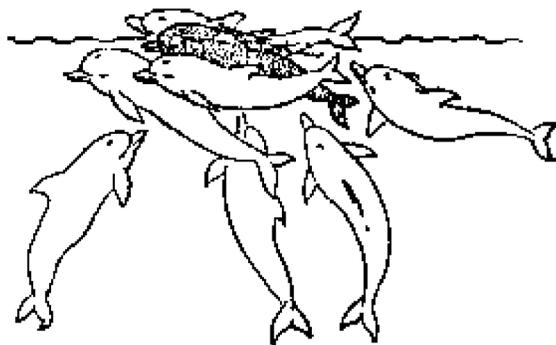
Прообраз "государства нового типа". Для историков и мыслителей XIX в. первыми государствами были рабовладельческие деспотии Среднего Востока, Теперь же мы знаем, что деспотиям предшествовали дворцы-государства. Они были на Среднем Востоке, в Средиземноморье, Индии, Китае, а также на Американском континенте (что особенно важно, потому что это независимые цивилизации). На сегодня это самые ранние государства в истории человечества. Устройство их поначалу казалось странным: центр всего-большое сооружение, целый лабиринт каких-то помещений. Постепенно выяснилось, что это разного рода склады - "закрома родины". Некоторые из государств обладали письменностью, плоды которой заполняют часть помещений дворца - это архивы. Содержание текстов не оставляет сомнения: это инструкции - что, где, когда сеять, жать, доить, сколько чего поставить в закрома и когда, кому, какие строительные и транспортные работы произвести. А также, кому сколько из запасов выдать на пропитание, посев, строительство. Исполняли все это окрестные поселения. Их могли населять местные жители, у которых отняли право инициативы, полусвободные крепостные, завоеванные аборигены, добытые войной государственные рабы - не столь важно. Управляла ими (ради их же блага, разумеется) централизованная административная система чиновников, построенная по иерархическому принципу. На вершине пирамиды стояло, видимо, несколько человек. По крайней мере, если царь и был, он был всего лишь военным предводителем. Формально собственность находилась в руках государства, чиновники ее только учитывали, собирали, перераспределяли и... гноили (о последнем свидетельствуют раскопки складских помещений). Из четырех действий арифметики им хватало двух: отнять и разделить. Такая экономическая система складывается очень легко из тех инстинктов-кубиков, которыми располагают приматы, и им соответствует, подобно тому, как структура власти складывается из иерархических кубиков.

Время смело государства-закрома. Но когда в нашем веке, при много более высоком техническом уровне людей заставили строить свои страны по утопическому, а посему невыполнимому проекту, они построили, что смогли. А смогли они то, о чем предупреждали знающие люди: неэффективную сверхцентрализованную систему, в которой лишенные собственности и инициативы "массы" плохо работают, попрошайничают и воруют, а возвышающаяся над ними огромная административная пирамида разворовывает и уничтожает львиную долю того, что отнимет в свои закрома; систему, до тонкостей повторяющую государства-дворцы, построенные на заре истории. Как видите, инстинкты, превращающие столь привлекательную на бумаге идею социализма в уродца, по-прежнему живы, никуда они не делись за прошедшие 3-5 тыс. лет. И никогда никуда не денутся. Поэтому и через тысячу лет, если кто-либо вновь встанет на этот путь, получится опять социализм с обезьяньим лицом.

Сейчас полезно понять, что "реальный социализм", как всякое низкое (простое, достижимое разрушением) состояние, подобен воронке: в него очень просто скатиться, но из него очень трудно выбраться. Поэтому крах коммунистической идеологии в социалистических странах ничего быстро изменить не может. Им суждено еще долго: барахтаться в тисках социалистической экономики, порождая разные ее варианты. И никакого значения не имеет, какими "несоциалистическими" словами будут называть это состояние.

Ханаанеи приносят дары фараону. На изображении вынужденная дань выдается за дар: в позах подносящих нет намека на подчинение, они полны достоинства.

Альтруистическое поведение. Стадо дельфинов-белобочек поднимает к поверхности больного, чтобы он вдохнул воздуха.

Это тоже пример альтруизма. Одна обезьяна выскивает в голове другой паразитических насекомых. Такая программа поведения есть и у человека.

Мы знаем лишь один способ противостояния этим инстинктам. Основу общества должны образовывать не лишенные собственности, инициативы и влияния на власть "массы" (они в таком состоянии автоматически превращаются в нерадивых попрошайек и воришек), а независимые от государства, производители, имеющие достаточно чего-то своего (земля, дом, орудия производства, акции и т. п.) для того, чтобы чувство собственного достоинства и уверенность - в собственных силах были точкой отсчета при бессознательном выборе мозгом подходящих программ поведения. Кстати, давно замечено, что как раз находящиеся в таком состоянии люди проявляют в наибольшей степени желание - помогать слабым из своего кармана, не требуя ничего взамен.

Поэтому общество свободного предпринимательства оказалось способным реализовать во вполне приемлемой для людей форме больше социалистических идеалов, чем общество "реального социализма".

Коммунистическая идея утопична именно потому, что она не соответствует нашим инстинктивным программам. Такое общество невозможно для людей даже на короткий срок. Для него нужен ни много ни мало, как другой человек. Коммунисты попробовали создать такого человека путем искусственного отбора, уничтожая десятки миллионов "недостойных жить при коммунизме", но оказалось, что подходящего материала для селекции нового человека среди людей просто нет.

Общественные насекомые (термиты, осы, пчелы, муравьи) имеют иные инстинктивные программы и на их основе образуют "коммунистическое общество", где царят рациональные и справедливые правила поведения, которые все выполняют честно и ответственно, а пища распределяется в соответствии с потребностью каждого. Для них коммунистическая цивилизация была бы осуществима. Зато появившись там строители социализма или свободного предпринимательства, они потерпели бы крах, а их идеи объявили бы утопическими. Ибо муравьи - животные муравейниковые, а не политические. Аристотель понял, что поведение человека задано его первобытным, животным прошлым. Тьма комментаторов билась над фразой "человек - животное политическое", ища в ней некий темный, иносказательный смысл и отбрасывая буквальное прочтение.

Критика нечистого разума. Аристотель жил в эпоху, когда на Балканах демократические государства умирали одно за другим, уступая олигархии, а македонские цари Филипп и сын его Александр начали создавать автократическую империю с замахом на мировую. Так что Аристотель хорошо знал, что автократия и олигархия - не единственные формы взаимоотношений, на которые способна "общительная природа человека". Она способна

создать и демократию. О ней мы поговорим несколько позже, а сейчас взглянем, до чего же додумались за 2,5 тыс. лет те философы, для которых демократия была случайным и тупиковым эпизодом античной истории, а главным путем человечества казалось строго иерархическое государство. А додумались они (И. Кант и другие немецкие философы) до "органической теории".

Государство и право, согласно ей, создается не на основе человеческого опыта и рассудочной деятельности людей, а как некий надорганизм, сотворенный богом. Оно имеет пирамидальную структуру во главе с монархом, желательно просвещенным и обязательно абсолютным по власти. В этой теории для этологов примечательно одно: смутное осознание того, что принципы, по которым собирается пирамида, и характер действий людей (их мораль, этика, право) людьми не придуманы, а заданы как бы изначально. Кем? Кант думал, что богом, а этологи - что инстинктивными программами, доставшимися нам от длинного ряда предковых форм, живших в совсем иных условиях. Дальше этологи и авторы "органической теории" опять расходятся: первые-то знают, что эти программы несовершенны, многие из них не хороши для современного общества, а некоторые просто гнусны, а философы сочли их идеальными, верхом совершенства. С нашей с вами точки зрения, следуя этим программам, построил нечто мерзкое и кровожадное, а с точки зрения философов - идеальное государство всеобщего благополучия.

Дальнейшее развитие этого направления философской "мысли" очевидно: для успешного построения такого государства ему нужно предоставить (или оно должно взять само) неограниченные полномочия над людьми, стать выше законов, даже собственных. В XX в. Муссолини и Гитлер получили возможность проверить на людях теорию подобного государства, а Ленин, Сталин и их многочисленные последователи во многих странах создали тоталитарные государства. Эти гигантские эксперименты на сотнях миллионов людей показали, что на основе тотального подчинения общества иерархическому принципу образуется пожирающее людей чудовище.

Оно несравненно безобразнее тех обществ, которыми жили, руководствуясь теми же инстинктами, но в других условиях, предки человека. К сожалению, опыт мало что дает человечеству. Поэтому тоталитарные режимы будут возникать снова и снова, если с ними не бороться. Ведь они регенерируют и самособираются.

ДЕМОКРАТИЯ - ПЛОД РАЗУМА, НО НЕ ТОЛЬКО ЕГО

К счастью для нас, иерархические программы - не единственные программы общения, заложенные в нас когда-то естественным отбором. Есть альтернативные программы, на основе которых мы можем строить иные отношения.

Объятия и улыбки. Все обезьяны легко возбудимы, раздражительны, агрессивны, обидчивы и злопамятны. И при этом очень общительны. Весьма противоречивое сочетание, не правда ли? Не удивительно, что у них есть много способов смягчать конфликты. Среди ритуалов приветствия, улыбок, похлопывания по спине и наделения пищей особую роль играют объятия. Наши ближайшие из ныне живущих родственников - шимпанзе - очень любят обниматься. Они могут подолгу сидеть, обняв друг друга, и получая от этого удовольствие и успокоение. Но еще чаще шимпанзе обнимают один другого, чтобы снять или предотвратить раздражение и обиду. И вполне успешно. Читатели знакомы с одним видом этих обезьян, но есть другой вид (или подвид) - карликовый шимпанзе, много менее известный. Этот на редкость добродушен и улыбается, как добрый, счастливый ребенок. Карликовые шимпанзе живут группой и соблюдают иерархию, но тратят на ее выяснение не много времени. Зато они подолгу успокаивают и умиротворяют друг друга улыбками, объятиями, чисткой шерсти, в том числе и "выскиванием вшей" в голове.

Все эти программы умиротворяющего поведения (включая и перебирание волос на голове) есть и у нас, и мы умеем ими пользоваться. Люди, как и карликовые шимпанзе, способны поддерживать отношения, в которых агрессивность сведена до минимума, иерархия не мешает дружескому общению, а само это общение ободряюще и приятно. Соответствующие традиции и воспитание позволяют очень многого добиться. Когда-то американцы открыли магический эффект одной из доступных человеку улыбок и начали обучаться ее изображать. Она воспроизводилась на тысячах плакатов" ею улыбались самые популярные в стране люди. Таблички "Улыбнись!" появились на дверях офисов и кассах магазинов. Прошло время - и Америка научилась и привыкла улыбаться. Европейцам поначалу американская затея казалась странной и даже лицемерной. Но увидев результат - смягчение агрессивности, и они стали учиться магической улыбке. Секрет ее в том, что когда два человека одновременно улыбнутся друг другу, иерархическая программа каждого из них воспринимает улыбку как мягкую, но уверенную в себе готовность к отпору, а другая программа - как поощрение. В итоге "где-то там" принимается подсознательное решение, что в данном случае можно не бояться и обойтись без выяснения иерархического ранга, сразу признать встречного равным себе.

О своем ранге можно не заботиться. Этологи обнаружили, что у некоторых видов общественных животных есть особи, уклоняющиеся от иерархических стычек. И не потому, что боятся. Просто для них это как бы не представляет интереса. Для многих людей иерархическая борьба тоже неинтересна. У них есть иные ценности и иные способы самоутверждения. Наблюдения за шимпанзе в природной обстановке позволили обнаружить особей с подобным поведением, в том числе и мужского пола. Они состоят в группе, не занимая в ней ни самого высокого, ни самого низкого положения, и в крайнем случае могут дать отпор агрессии. Но обычно они в иерархические стычки не ввязываются, продолжая заниматься своими делами. Некоторые даже пытаются, и притом успешно, примирять ссорящихся, обнимая и того и другого. Внутри группы шимпанзе много значат симпатии, на основе которых возникают особые дружеские связи, порой довольно теплые и долговременные. Оказывается, что с нелюбящими постоянно утверждать свой ранг самцами могут дружить иерархичные самцы, в том числе и высокого ранга. Значит, последние оценивают положение своего друга в группе как достойное.

Помимо дружбы "на равных" у шимпанзе есть покровительственная дружба, когда старший и более сильный защищает более молодого и слабого, а тот при этом не ведет себя заискивающе. У них есть и другие проявления альтруистического поведения: наделение пищей, сопереживание чужих успехов, неудач и страданий, взаимное обучение. Взрослые сестры сообща заботятся о детенышах, старшие дочери помогают матери заботиться о младших братьях и сестрах.

Множественность программ дает выбор. Антиагрессивные и альтруистические программы поведения шимпанзе, несомненно, родственны сходным программам нашего поведения. Ученые полагают, что такие программы были и у предков человека. Но у шимпанзе нет того набора программ жесткой иерархии и боевой организации, которые есть у нас и павианов. Поэтому группа шимпанзе не способна к четким и сложным оборонительным действиям и территориальным войнам. Да они и не нужны им при их образе жизни и умении лазать по деревьям, от которых они обычно далеко не уходят. Спят шимпанзе тоже в безопасности, строя на ночь гнезда на ветвях дерева.

Двойной набор программ социального поведения человека дает возможность их разнообразных комбинаций, в результате чего мы можем образовывать разные общественные структуры - от жестких авторитарных банд до почти лишенных иерархии клубов.

ЧТО ТАКОЕ "ИНСТИНКТ СВОБОДЫ"?

Об этом "инстинкте" часто пишут гуманитарии как о чем-то несомненном и свойственном человеку. Этологу трудно понять, что они под этим понимают и с какими действительно существующими у человека инстинктами можно его связать. Если "свобода" - это возможность делать, что хочется, ни от кого не зависеть и никому не подчиняться и иметь все, что хочешь, то такой "свободы" животное достигает, заняв вершину пирамиды, а человек - достигнув власти и богатства. Если свобода - это неучастие в иерархических стычках, то и такая программа у нас есть, но хотят жить согласно ей немногие. Ведь она предполагает, что я не только никому не подчиняюсь, но и никого не подчиняю себе. Дома, имущества, семьи и детей мне лучше не иметь: во-первых, это все нужно защищать, а во-вторых, они ограничивают свободу. Получается свобода индийских гимнопедиев, древнегреческих киников, недавних хиппи, современных панков и бичей.

Есть еще состояние "воли" - делать как раз то, что запрещено естественной моралью и нормами общества и не делать того, что требуется. Склонность к этому отчетливо проявляют многие животные, особенно молодые или оказавшиеся на дне пирамиды. Она проявляется в форме самообучения у маленьких детей, в форме протеста - у подростков, в криминальной форме - у воров, разбойников и т. п.

Скорее всего многие, говоря об инстинкте свободы, объединяют все три стремления. В таком виде "свобода" не доступна для всех и разрушительна для общества. Но если "свободу жить, как мне хочется" ограничить определенными правовыми рамками, она хотя бы потенциально осуществима для большинства людей в достаточно правовом демократическом государстве, признающем точкой отсчета для всех законов и решений определенный перечень прав человека.

Откуда взялась демократия? Демократическая форма организации самого маленького общества, в отличие от авторитарной, невозможна, если члены этого общества не умеют говорить. Одной мимикой и жестами коллективно не обсудить сколько-нибудь сложные вопросы и не выработать их решения. Поэтому ни одну из общественных организаций животных, даже самую доброжелательную к каждому члену (дельфины, например), не назовешь демократией в человеческом понимании.

Если демократия невозможна без языка, то ясно, что до возникновения речи она у наших предков не возникала. Кажется, что бригады загонных охотников - самое подходящее место для зарождения некоторых начатков демократических взаимоотношений. Одним из ее преемников была "военная демократия" плававших на кораблях полуразбойников-полоторговцев. Древние греки, начинавшие свой путь в этом амплуа, первыми осуществили ее в своих городах в постоянной борьбе с тиранией и олигархией, т. е. структурами иерархическими. Греки нащупали простой механизм; те, кто лично свободен, имеет дом, собственность и семью, образуют собрание, принимающее законы в защиту этих ценностей (а они соответствуют инстинктивным потребностям человека). Исполнительная власть образуется из тех же граждан по жребию. Такой способ, конечно, не дает власть в руки самых компетентных, но зато он мешает пробраться к власти самым настырным. Все спорные вопросы на основе законов решает суд, в котором каждый может обвинять и защищать.

Суд защищен от захвата его настырными гражданами своей многочисленностью: в него входят сотни граждан. Наконец, людей, проявивших склонность к захвату власти или приобретших опасно большое влияние на граждан, народное собрание подвергает ostracism - изгнанию по результатам тайного голосования. Современная демократия заботится о сохранении возможности заниматься политикой тем, кто остался в меньшинстве (но только в рамках законных действий). Греки так к меньшинству не относились, потому что оно было против самого демократического строя и стремилось свергнуть его.

Почему демократию нужно все время отстаивать? Может ли такая система возникнуть сама собой, на основе инстинктивных программ? Конечно, нет. Это продукт разума,

продуманная система коллективного воспрепятствия образованию иерархической пирамидальной структуры с жаждущими власти особями на вершине. Ее нужно все время поддерживать политической активностью граждан. Древним грекам не удавалось удержать полис в состоянии стабильной демократии. Рано или поздно, опираясь на поддержку недовольных, власть захватывал очередной вожак и устанавливал авторитарный порядок - тиранию. Со смертью тирана его менее решительные преемники образовывали олигархию - "коллективную" власть "наилучших", которая постепенно ослабевала настолько, что удавалось восстановить демократию.

Аристотель очень точно описал, этот кругооборот: демократия сменяется тиранией, та - олигархией, а она - опять демократией. Возможность "хождения по аристотелеву кругу" есть и в наше время, но она не столь обязательна, как в греческих полисах, потому что каждая форма правления научилась себя защищать.

Демократическое общество возникло и долгое время существовало в Древнем Риме, где было прекрасно оформлено юридически. Римляне нашли более эффективный, чем жребий, метод занятия руководящих должностей - выборы посредством избирательной кампании; тот же способ применялся для заполнения представительных коллегиальных органов. Римская демократия деградировала из-за непомерного расширения границ владений этого городагосударства. В условиях подчинения Риму все новых народов демократическая система вырождалась в централизованную имперскую, а в империи демократия неэффективна и поэтому невозможна.

Демократия рождается из уважения "естественных прав". Исчезнув с лица Земли на сотни лет, демократия медленно, шаг за шагом, начала нарождаться в Англии, а потом и в других странах. С одной стороны, она использовала достижения римского права, создававшегося почти тысячу лет - от Законов 12 таблиц (450 г до н. э.) до Кодекса Юстиниана (525 г. н. э.). А с другой - опиралась на теорию о "договорном государстве" Т. Гоббса и Дж. Локка. Согласно этой теории, человек изначально (в "естественном состоянии") чувствует за собой право на свободу и собственность и хочет, чтобы они были защищены от посягательств, а с другой стороны, склонен посягать на свободу и собственность другие.

С точки зрения современных знаний это верно. И те и другие врожденные программы сидят в человеке, но согласно договорной теории, в результате возникает борьба всех против всех, анархия и хаос. Этолог согласен только с первой частью фразы (о борьбе). Возникает же в результате борьбы не "первобытный хаос", а иерархическая структура, которая может преобразоваться в государство авторитарного типа.

"Договорная теория" рассматривает другой путь: люди во взаимных интересах договариваются об ограничении своих прав таким образом, чтобы право на свободу и собственность было обеспечено всем. При выработке законов и решении спорных вопросов они опираются на некие нравственные постулаты, которые есть в каждом человеке. Созданное таким образом государство - продукт борьбы разума против "естественного состояния". Здесь этологу нравится прежде всего понимание того, что нравственность есть в человеке изначально. Этологи называют ее врожденной моралью, врожденными запретами. Государство, построенное ради защиты прав человека и основанное на законах, стоящих выше государства и любого человека, это демократическое государство. Живя в таком государстве, человек может воспитываться не в духе борьбы за или против чего-то, а в духе добродетели, о важности чего говорил еще Аристотель.

Итак, демократия - продукт борьбы разума с теми животными инстинктами людей, которые толкают их самособираются в жесткие авторитарные иерархические системы. Демократия использует и позволяет большинству людей реализовать другие инстинктивные программы, тоже заложенные в человеке - ждание быть свободным, потребность иметь собственность (включая землю, дом, семью), запрет убивать, грабить, отнимать, воровать, притеснять

слабых. Демократия использует неизбежную для человека пирамидальную схему организации и соподчинения, но путем избирательной системы, разделения законодательной, исполнительной и судебной властей и независимостью средств информации. Это лишает иерархическую структуру ее антигуманной сущности и заставляет ее в значительной степени работать на благо всех людей, а не только тех, кто находится на вершине пирамиды. Как сказал когда-то У. Черчилль, демократия не есть идеальная форма правления, но она самая лучшая из всех форм, найденных человеком.

В отличие от Единственно Верных Учений, этология никогда не претендовала на исчерпывающее объяснение поведения животных, не говоря уж о человеке. О последнем она может сказать неизмеримо меньше любой гуманитарной науки. Просто этологи чувствовали, что, обладая особыми знаниями в своей области, они могут иногда подсказать гуманитариям, где еще можно поискать ответы на некоторые трудноразрешимые вопросы. Иногда подсказка оказывалась уместной. Например, разгадка Эдипова комплекса, начатая психоаналитиками, а потом зашедшая в тупик, вышла из него благодаря привлечению этологической информации. Набросанная во второй и третьей частях этого эссе мозаика фактов, могущих иметь отношение к социальному поведению человека, вовсе не претендует на обязательность; у нее простая цель - напомнить, что когда мы пытаемся понять человека, никогда не следует забывать о его биологии. А еще лучше ее знать.

В частности, помнить хотя бы следующее.

- Человек, как и все животные, имеет множество врожденных программ поведения (мы родимся с некоторыми знаниями об окружающем мире и правилами поведения в нем), и в нужный момент они срабатывают.
- Эти программы создавались в далекие времена и в совсем иной среде, мало похожей на ту, в которой мы теперь живем. Поэтому реализуемое ими поведение не всегда адекватно обстановке, рационально и даже желательно. (Не все что естественно - хорошо.)
- В силу изначальной запрограммированности, люди не абсолютно свободны в своем поведении, один сценарий его они осуществляют легко, другой - с трудностями, а некоторые сценарии могут быть вообще невыполнимы. (Не все придуманные разумом планы для нас осуществимы.)
- Для большинства ситуаций мы имеем достаточный набор альтернативных программ, на основе которых можно построить несколько вариантов поведения. (Все мы изначально "знаем", как воровать, и знаем, что это плохо; будем ли мы ворами или честными, зависит от нас, а не от нашей природы.)
- Наш мозг так устроен, что его отвечающая за сознание часть не только не может ознакомиться с содержанием врожденных программ, но даже не знает об их существовании. Поэтому когда программа начинает реализовываться, сознание ее обслуживает, не замечая этого. Оно ищет и находит какие-то свои объяснения поведения и его мотивов, совсем не обязательно верные. (Нельзя доверяться собственной рефлексии, т. е. самоанализу на основе субъективных ощущений и идей, и менталитету - бытующему представлению о происходящем, потому что они дают иногда путаную, тенденциозную и алогичную картину.)

Ну, а главная задача этого эссе - доставить читателю удовольствие от знакомства с этологией на примере не самого изученного, но зато самого интересного для нас вида - нас самих,

Лоренц К. КОЛЬЦО ЦАРЯ СОЛОМОНА. М.: Мир, 1970.

Лоренц К. ЧЕЛОВЕК НАХОДИТ ДРУГА. М.: Мир, 1971.

Тинберген Н. ПОВЕДЕНИЕ ЖИВОТНЫХ. М.: Мир, 1969.

Тинберген Н. ОСЫ, ПТИЦЫ, ЛЮДИ. М.; Мир, 1970.

Lorenz K. DAS SOGENANNTTE BOSE; ZUR NATUR GESCHICHTE DER AGGRESSION, Wien, 1963.

Lorenz K. UBER TIERISCHES UND MENSCHLICHES VERHALTEN. Ges. Abh. Bd. 1, 2. Munchen, 1966.

Lorenz K. BEHIND THE MIRROR. 1977.

Tinbergen N. THE STUDY OF INSTINCT. Oxford, 1951.

ВЕРНУТЬСЯ

